

ЕВГЕНИЙ ИЩЕНКО

ИНФЛЯЦИЯ ЧУВСТВ

Когда чувства – валюта,
правда звучит как сбой в системе

Евгений Ищенко
Инфляция чувств

«Автор»

2026

Ищенко Е.

Инфляция чувств / Е. Ищенко — «Автор», 2026

Мы научились измерять искренность цифрами, но так и не поняли, в какой момент наша душа превратилась в бесконечную транзакцию. А когда чувства — валюта, правда звучит как сбой в Системе. Поэт Данте Лорка знает, как пахнет подлинная грусть и какого цвета звук настоящей любви. В мире «Инфляции чувств» эти знания — его работа. Как эксперт Антиплагиата, он следит за тем, чтобы люди платили друг другу только чистыми эмоциями. Но три года назад его собственная жизнь разбилась вместе со скрипкой его жены. Теперь, идя по следу таинственной колыбельной, Данте обнаруживает, что Инес оставила ему ключ к самой охраняемой тайне Системы. Это не просто музыка. Это «запинка» в коде реальности. Сможет ли один человек противостоять идеальному миру, где тишина подозрительна, а искренность — всего лишь валюта, которая стремительно обесценивается?

© Ищенко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Твори душой!	8
Глава 2. Новое дело	17
Интерлюдия 1	24
Глава 3. Два дерева	25
Глава 4. Голос без имени	34
Интерлюдия 2	42
Глава 5. Запрос	43
Глава 6. Непростые решения	52
Глава 7. Шпионские игры	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Евгений Ищенко

Инфляция чувств

Пролог

Стенограмма заседания Высокого Жюри Эры Резонанса

Столица Мира. Антиплагиат, Северный округ, отделение №3

Дело № СО-1247/833-ВЖ

Гриф доступа: открытый.

Категория: Эмоциональное мошенничество, систематическое, с отягчающими

Подсудимый: гражданин Марк Соннер, 41 год

Состав Высокого Жюри: Мастер-Поэт (председатель заседания), Мастер-Композитор, Мастер-Живописец

Обвинитель: следователь Антиплагиата Северного округа Столицы Мира Салли Маркес, 2-го ранга

Эксперт: Петер Рубинштейн, композитор 2-го ранга

ИИ-аналитик «ФАКТУРА», версия 9.1.0.7.6, модуль 7.4

Дата: 14.09.37 ЭР.

ФАКТУРА (аналитическая система Антиплагиата): Представляю сводку по делу № СО-1247/833-ВЖ. Обвиняемый: Марк Соннер, 41 год, профессия: системный оператор коммунальной службы, сектор Б-7. Семейное положение: женат, двое детей. Ранее не привлекался.

Суть обвинения: систематическое использование произведений, авторство которых не принадлежит обвиняемому, без указания источника и без предупреждения получателей о цитировании, а также незаконное получение единиц Эха при коммерческом обмене. Зафиксировано 217 эпизодов за период 14 месяцев. Совокупная стоимость полученных услуг и товаров — 1 840 единиц Эха.

Технический анализ: 194 из 217 произведений идентифицированы как частичные либо полные заимствования из Базы Шедевров и смежных открытых источников. Степень совпадения — от 61 до 99 процентов. Авторство обвиняемого в этих произведениях не подтверждено. Оставшиеся 23 эпизода находятся в стадии дополнительной проверки.

Биометрические данные получателей: в 87 процентах случаев зафиксирован подлинный эмоциональный отклик. Получатели не осознавали, что принимают заимствованный текст.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЖЮРИ (голос без идентификации, стандартный протокол): Эксперт Рубинштейн, ваша оценка?

РУБИНШТЕЙН: Я прослушал фрагменты, использованные обвиняемым в семнадцати эпизодах. С эмоциональной точки зрения они действенны, но не несут личной исполнительской интерпретации. Это воспроизведение, а не высказывание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Спасибо. Гражданин Соннер, Вы ознакомлены с материалами дела?

ОБВИНЯЕМЫЙ: Да. Ознакомлен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Признаёте ли Вы факты, изложенные в сводке **ФАКТУРЫ** и подтверждённые экспертом?

ОБВИНЯЕМЫЙ: Признаю факт использования. Но хочу объяснить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вам предоставляется слово.

ОБВИНЯЕМЫЙ: Я не поэт. Я никогда им не был. Стихи у меня не получаются. Я несколько раз пробовал — получатели не принимали. Отказывали. Мне нужно было кормить

детей, платить за расширенный медицинский пакет для жены — у неё хроническое заболевание почек. Стандарт этого не покрывает. Я нашёл в старой домашней библиотеке тексты, которые... работали. Люди плакали. Им было хорошо. Разве плохо — если человеку хорошо?

СЛЕДОВАТЕЛЬ МАРКЕС: Позвольте уточнение для протокола. Гражданин Соннер, Вы говорите, что получатели испытывали подлинный отклик. Это так. **ФАКТУРА** это подтверждает. Но вы осознавали, что источником отклика являлось не ваше переживание и не ваша история, а — чужая?

ОБВИНЯЕМЫЙ: Ну... да. Наверное...

СЛЕДОВАТЕЛЬ МАРКЕС: Система Эха основана на одном принципе. Не на красоте текста. Не на технике. На том, что человек отдаёт другому часть себя — настоящую, прожитую, свою. Именно поэтому Эхо работает. Именно поэтому тридцать восемь лет назад наш мир стал другим. Вы получили 1 840 единиц Эха, не отдав взамен ничего своего. Вы взяли у других их боль, чужие воспоминания, чужую любовь — и продали как собственные. Скажите мне: врач, которая принимала оплату за консультацию вашей жены, — что она чувствовала, когда слышала стихи про мать, которой вы якобы лишились в детстве?

ОБВИНЯЕМЫЙ (пауза): Она... плакала.

СЛЕДОВАТЕЛЬ МАРКЕС: Она плакала над горем, которого у вас не было. Ваша мать жива, Соннер. Проживает в секторе Д-12. Мы проверили.

(Пауза в записи, 11 секунд.)

ЧЛЕН ЖЮРИ, ПЕРВЫЙ (обозначен как М-1): Следователь Маркес, у меня вопрос к **ФАКТУРЕ**. Обвиняемый утверждает, что его попытки личного творчества не принимались получателями. Это задокументировано?

ФАКТУРА: Да. Зафиксировано девять отказов за период с января по март 37 года Эры Резонанса. В семи случаях биометрические показатели получателей не достигали порога резонанса. Тексты обвиняемого оценены как формальные, без эмоциональной сигнатуры. Это не патология — это среднестатистический профиль человека без выраженных художественных способностей.

ЧЛЕН ЖЮРИ, ПЕРВЫЙ: То есть обвиняемый не мог полноценно участвовать в экономике Эха?

ФАКТУРА: Корректнее сказать иначе: он мог участвовать в ограниченном объёме — используя базовые формы обмена: короткие бытовые зарисовки, которые принимаются при сниженном пороге резонанса. Либо — получить статус сертифицированного цитатора: использовать чужие произведения открыто, с обязательным называнием автора и по сниженному тарифу Эха. Это стандартная практика для людей без художественного профиля. Существуют также службы эмоционального посредничества, легальные курсы развития Эхо-способностей, социальные программы помощи семьям с медицинскими расходами. Обвиняемый ни одной из этих возможностей не воспользовался.

ЧЛЕН ЖЮРИ, ВТОРОЙ (обозначен как М-2): Гражданин Соннер. Я хочу задать вам прямой вопрос и прошу ответить честно. Вы искали обходные пути потому, что не знали о легальных возможностях — или потому, что они показались вам слишком трудными?

ОБВИНЯЕМЫЙ (долгая пауза): Потому что трудными. Курсы — это время. Посредники берут процент. Социальные программы — это очереди и документы. А найденные в библиотеке тексты работали сразу.

ЧЛЕН ЖЮРИ, ВТОРОЙ: Понятно. Спасибо за честность.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У эксперта есть что добавить?

РУБИНШТЕЙН. Дополнений нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае Высокое Жюри удаляется для совещания.

(Перерыв в записи: 18 минут.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Высокое Жюри выносит решение по делу № СО-1247/833-ВЖ.

Гражданин Соннер признаётся виновным в систематическом нарушении Кодекса эмоционального обмена, статья 14, часть 3: использование произведений с неподтверждённым авторством в коммерческих целях, с извлечением материальной выгоды, с введением получателей в заблуждение относительно источника резонанса.

Высокое Жюри принимает во внимание: семейные обстоятельства, отсутствие судимостей, а также готовность обвиняемого сотрудничать. Смягчающие обстоятельства учтены.

Назначается наказание: частичное лишение резонанса сроком на восемнадцать месяцев. В течение этого срока обвиняемый вправе пользоваться базовым государственным обеспечением без ограничений. Операции Эхо-обмена для него приостанавливаются. Параллельно — обязательное прохождение курса развития собственного Эхо-профиля с государственным финансированием, без очередей.

По истечении срока — повторная оценка. При успешном прохождении курса — полное восстановление статуса.

Дополнительно: медицинская программа для супруги обвиняемого переводится на расширенный социальный пакет автоматически. Это не является частью наказания. Это — часть системы.

ОБВИНЯЕМЫЙ (тихо): Я понял. Спасибо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Заседание закрыто. Искусство вечно!

ПЕТЕР РУБИНШТЕЙН (личная пометка к делу, не входящая в официальную стенограмму, но доступная студентам юридического факультета высшей школы Антиплагиата):

Соннер — незлой человек. Он просто испугался и выбрал лёгкий путь. Восемнадцать месяцев — это справедливо. Надеюсь, он пройдёт курс и откроет в себе что-то настоящее. Такое случается. Я видел. В этом и есть смысл системы — не наказать, а вернуть!..

[Примечание: стенограмма опубликована в открытом доступе как обучающий материал для курса «Этика Резонанса», уровень III. Архив Антиплагиата.]

Глава 1. Твори душой!

Данте Лорка проснулся от тишины.

Не от голоса домашнего ИИ по имени «Муза» — тот знал, что Данте не любит, когда его будят. Именно от тишины, которая в семь утра была особенной: город ещё не начал звучать, но уже готовился к этому, как оркестр перед первой нотой.

Он лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок. На потолке медленно проявлялась фреска — Муза каждое утро выбирала новую из Канона Жюри. Сегодня это был «Рассвет над рекой», автор неизвестен, дореволюционный период. Мягкие золотые мазки.

Данте подумал: интересно, что чувствовал художник, когда писал это? Что он видел? Настоящий рассвет или рассвет внутри себя?

— Доброе утро, Данте, — мягкий голос Музы заполнил комнату. — Сегодня понедельник, двенадцатое октября, тридцать девятый год Эры Резонанса. Температура за окном — плюс шестнадцать градусов. Ваш эмоциональный фон: стабильный, с лёгким креативным подъёмом. Рекомендация: не подавлять. Возможно, сегодня хороший день для новых строк.

— Спасибо, Муза.

— Завтрак?

— Нет, не хочу стандартный кофе. Я зайду к Марии.

— Мой кофе неплох. А вы к Марии. Как всегда, — ответил ИИ без обиды и упрёка, но Данте почудилась в этом синтезированном голосе лёгкая нотка чего-то...

Впрочем, это, конечно, фантазия. Муза не чувствовала ничего. Она анализировала. Муза никогда не обижалась. Потому что не могла. Но иногда Данте казалось, что она старается.

Данте встал, прошёл босиком по тёплому полу (его температура подстраивалась под стопы: маленькая, незаметная забота Системы) и остановился у окна.

Город просыпался.

Внизу, на улице Искренней поэзии, уже шли люди: кто-то в ярких накидках, кто-то в строгих синих костюмах Центра Искусств, кто-то просто в белом — универсальном цвете «Я сегодня слушаю». Двое мужчин столкнулись у перекрёстка, один придержал другого за плечо, второй кивнул, оба улыбнулись, разошлись. Данте не слышал, но знал, что один сказал «Твори душой!», а второй ответил: «Звучи чисто!» — так начинался каждый день.

Он оделся. Простая рубашка, тёмные брюки, лёгкая куртка. В карман куртки вложил свой блокнот — настоящий, бумажный. Не потому, что был ретроградом, а потому что стихи рождались лучше на бумаге. Или ему так казалось. В любом случае блокнот был его привилегией: официальный эксперт-консультант Антиплагиата имел право на «аналоговые носители для творческих целей». Маленькая привилегия в мире, где почти всё было цифровым. Всё, кроме искусства...

Перед выходом из квартиры взгляд Данте на мгновение скользнул к закрытой двери в конце коридора.

— Муза!

— Да, мастер Лорка?

— Нет, ничего... До вечера! — Данте решительно шагнул за порог.

На выходе из подъезда он кивнул соседке — Элеоноре, пожилой женщине, которая каждое утро поливала цветы на балконе. Элеонора не была ни поэтом, ни музыкантом. Она вышивала. Вышивала медленно, с невероятным терпением, и её салфетки принимались в трёх магазинах квартала как «оплата бытового уровня». Она не жила богато, но и не бедствовала. Её пальцы говорили то, что не мог сказать язык. Данте нравились её салфетки.

— Звучи, Данте! — она помахала ему мокрой от лейки рукой.

— И вам чистой ноты, Элеонора! Сегодня на белоснежную гладь вашей салфетки лягут розы?

— Пионы. Розы — по вторникам. Хочу подать свои салфетки на конкурс «Голос соседа». Как думаешь, возьмут?

— Оторвут с руками, Элеонора!

— Ну уж нет! — деланно возмутилась соседка. — Чем же я тогда буду создавать свои маленькие шедевры?

Данте улыбнулся и пошёл по улице в сторону булочной. Воздух в городе пах корицей и чуть-чуть — свежей краской. Это был запах праздника, хотя до него оставалось ещё несколько недель. К сорокалетию Революции Чувств коммунальные службы перекрашивали фонарные столбы в тёплые цвета — охру, терракоту, глубокий синий. На городских экранах уже мелькали баннеры с портретом Вольфганга Рембо: молодой человек, с гитарой на плече, с тем самым взглядом — не в камеру, а чуть в сторону и вверх, как будто он слышал что-то, чего остальные ещё не слышали.

«Сорок лет, — подумал Данте Лорка, проходя мимо одного из баннеров. — Меня тогда ещё и в проекте не было».

Он не замедлил шаг. Просто кивнул портрету — коротко, почти незаметно. Привычка с детства: мать приучила. «Когда проходишь мимо Рембо — кивни. Он для нас сделал больше, чем мы понимаем».

Булочная Марии называлась «Тёплая Нота». Три колокольчика над дверью привычно прозвенели три ноты: до, ми, соль. Мария утверждала, что это «аккорд радости». Данте подозревал, что это просто мажорное трезвучие, но спорить с Марией было бесполезно и не нужно.

Мария уже стояла за стойкой — полная, быстрая женщина лет пятидесяти, с волосами, собранными в узел на затылке и прикрытыми ярко-зелёным колпаком. На фартуке — вышитые ноты, потемневшие от стирок, почти неразличимые. Она успела выложить в витрину первую партию и теперь протирала стойку с тем выражением, которое Данте давно научился читать: это выражение говорило, что день у неё пока хороший.

— О! Звучи, Данте! — Мария отвлеклась от работы и улыбкой поприветствовала молодого поэта. — Тебе как всегда?

— Как всегда, — согласно кивнул Данте. — Два с яблоком и корицей и один с кремом. И стаканчик кофе, с лимоном. Всё — с собой.

— Жетон? — она кивнула на его нагрудный карман, где тускло поблёскивал значок консультанта Антиплагиата.

Данте покачал головой.

— Не сегодня. Я ещё не исчерпал недельный лимит Эхо, но хочу заплатить нормально.

Мария просияла. «Нормально» означало: искусством. Чем-то искренним, трогающим душу.

Данте любил этот ритуал оплаты вовсе не потому, что был сентиментальным. Просто в этом моменте было что-то настоящее. Никаких карточек, никаких цифр, никакого безликого «операция оплаты подтверждена». Просто один человек смотрит на другого и слушает его.

Поэт на секунду закрыл глаза, прислушиваясь к себе — так учили в школе, в классе Внутреннего Слуха. Потом тихо произнёс:

— В булочной пахнет, как в детстве,

Когда мама звала к столу

Не словами — запахом хлеба.

И тянется сердце к теплу...

Мария замерла. На её запястье мигнул зелёный огонёк её биосенсора: подлинный резонанс. Она моргнула, и в уголке глаза блеснуло.

— Данте... — сказала она тихо. — Вот из-за этого я и встаю в пять утра, чтобы успеть всё испечь к твоему приходу. Забирай свои булки.

Он взял пакет, ещё тёплый. Подхватил со стойки стаканчик с кофе.

— Резонирую, Мария!

— Звучи в ответ, поэт. Твори душой!

На выходе Данте чуть не столкнулся с Жаком — высоким худым мужчиной, соседом по дому, который работал «коммунальным настройщиком». Жак обслуживал роботов-уборщиков. У людей его профессии творческая составляющая считалась почти нулевой, но Жаку нравилось, что после его работы улицы были чистыми. Он платил за вкусности от Марии не стихами, а короткими рассказами — простыми, бытовыми, но с неизменной деталью, от которой становилось теплее. Жак не считал себя писателем. Он считал себя «рассказчиком мелочей».

— Звучи, Данте! Слышал новость? Жюри объявило, что в этом году, в честь сорокалетия Революции, будет большой Концерт. Говорят, могут принять участие все желающие!

— Да, слышал.

— Моя жена хочет попасть. Она написала заявку — эссе о том, как её мать впервые услышала Вольфганга Рембо. Представляешь? Её мать была подростком, когда он вышел на площадь и запел. Она тогда стояла в толпе и плакала. Первый раз в жизни — от музыки.

Данте кивнул. Он слышал подобные истории с детства. Его собственные родители и бабушка рассказывали: до Революции мир был «как суп без соли — всё есть, а вкуса нет». Люди жили в одинаково удобных квартирах, ели идеально сбалансированную еду, путешествовали по маршрутам, где даже восторг был заранее рассчитан, и медленно умирали от скуки. ИИ делал всё за них. Зачем самому искать ответ на вопрос, если умный алгоритм найдёт его за несколько секунд? Зачем рисовать, если нейросеть нарисует лучше? Зачем сочинять музыку, если программа подберёт идеальную мелодию? Зачем разговаривать с кем-то живым, если ИИ-собеседник понимает тебя лучше любого человека?

Бабушка говорила: «Самое страшное — не голод. Самое страшное — когда нечего хотеть».

А потом пришёл Вольфганг Рембо. Художник. Поэт. Композитор. Он вышел на площадь Центрального Квартала и запел. Без микрофона и усилителей, без алгоритмической обработки и синтез-блоков. Запел простую песню о том, что пустота внутри цифрового рая страшнее любого ада. О чувствах, которые распадаются в потоках сети, подменяясь графическими символами. О жизни, которая стала безопасной, но — одинаковой для всех. Это была песня о потере чего-то такого, чему люди уже разучились давать имя.

Люди останавливались. Слушали. Кто-то плакал — впервые за годы. Биосенсоры, тогда ещё экспериментальные и приспособленные больше для считывания параметров здоровья, зафиксировали: тысячи человек одновременно испытали подлинную эмоцию.

Так началась Революция Чувств.

Данте не знал прежнего мира лично. Он родился через пять лет после Революции. Когда уже всё стало таким, каким было сейчас. Когда Эхо стало основой всего. Когда уже прочно вошло в моду давать детям имена известных композиторов, литераторов и художников прошлого. Когда искусственный интеллект перестал подменять собой человека, а стал лишь инструментом.

Но он знал одно: до Революции люди умирали от пустоты в душе. После — начали жить. И всё, что от человека сейчас требовалось — творить честно. Платить честно. Чувствовать честно.

Система работала. Данте верил в это так же твёрдо, как верил в то, что завтра будет утро.

На полпути к Антиплагиату его догнал знакомый звук: три кривоватых аккорда, потом мелодия — простая, чуть хромающая на переходах, но с чем-то неуловимо живым внутри.

Данте остановился.

Тим Гойя, парнишка лет четырнадцати. Мальчик жил в соседнем квартале. Данте знал его уже больше года — сначала просто видел, потом однажды остановился послушать. Тогда-то и началась эта странная традиция: Данте слушал, иногда говорил одно-два слова, мальчик кивал и на следующий день играл чуть иначе.

Парнишка, со старой, но ухоженной гитарой в руках, стоял у фонарного столба и медленно перебирал струны. Пальцы искали аккорд, не находили, возвращались. Снова. И снова. Данте слушал, пока мелодия не закончилась.

Тим поднял голову, увидел Данте и помахал рукой.

— Звучите чисто, мастер Лорка! — сказал мальчик и робко спросил. — Вы... слышали?..

— Третья фраза, Тим. Там, где ты замедляешься перед переходом. Как будто запинаешься. Ты делаешь это специально?

Мальчик замялся.

— Нет... Я просто не успеваю переставить пальцы.

— Не меняй. Это лучшее место в твоей мелодии. Именно там — настоящее.

Тим посмотрел на него, как смотрят дети, когда взрослый впервые говорит с ними на равных.

— Вы... думаете?..

— Ты же знаешь, кто я, — улыбнулся Данте. — Я умею отличать настоящее от ненастоящего. И твоя третья фраза — настоящая. Поверь мне.

— А можно... можно я вам сыграю ещё одну? Новую? Я вчера написал, но не знаю, годится ли она... ну... для оплаты. Мне нужно купить струны.

— Играй.

Тим заиграл. Новая мелодия была проще, короче — и лучше. В ней было что-то, чего не хватало первой: не техника, а история. Как будто мальчик вспомнил что-то, чего ещё не пережил, но уже предчувствовал.

Когда он закончил, Данте помолчал. Потом сказал:

— Годится. Любой продавец, у которого есть уши и сердце, примет это. А если не примет — приходи ко мне. Я тебе должен.

— За что?

— За то, что напомнил, зачем я пишу.

— Резонирую, — поклонился парнишка.

— Твори душой! — Данте кивнул в ответ и пошёл дальше по улице.

Здание Антиплагиата находилось на бульваре Первого Резонанса. Оно было четырёхэтажным, из светлого кирпича, с большими окнами и барельефом над входом: раскрытая ладонь, из которой вырастает нотный стан. На фасаде — мозаика с девизом Службы: «Мы защищаем подлинность». Внутри — тоже никакой казённой суровости: мягкий свет, живые растения, приглушённая музыка в коридорах. Антиплагиат не был полицией в старом понимании. Здесь были люди, которые умели слушать, — и ИИ, который умел считать.

Данте приходил сюда почти каждую неделю последние три года — с тех пор, как его официально оформили экспертом по эмоциональной аутентичности при отделе следователя Кафки.

Должность звучала солидно. По сути, это означало, что Данте приходил, когда ФАКТУРА заходила в тупик. Когда текст нельзя было прочитать как набор структур и частот — потому что чувство не измеряется структурами. Тогда нужен был живой человек, который скажет: здесь что-то настоящее или нет.

Данте приложил жетон к сканеру. Рамка мигнула зелёным.

— Добро пожаловать, эксперт Лорка. Звучите ярко сегодня, — произнёс голос системы безопасности.

— Постараюсь, — буркнул Данте. Он не любил, когда казённые машины желали ему хорошего дня. Не потому, что был мизантропом — просто считал, что пожелание должно быть осознанным.

На третьем этаже, в отделе поэтического анализа, его уже ждал Виктор Кафка.

Виктор был на два года старше Данте, на голову выше и раза в полтора шире в плечах — бывший спортсмен, перешедший в следствие «потому что мне нравится находить правду». Его лицо было из тех, которые внушают доверие не красотой, а основательностью: тяжёлый подбородок, внимательные карие глаза, короткая стрижка. Он носил форму Антиплагиата — тёмно-синий китель с серебряным жетоном «Следователь второго ранга» — и носил её с тем спокойным достоинством, с которым другие носят любимую рубашку.

Сейчас Виктор Кафка сидел за своим столом с видом человека, который провёл ночь, борясь с чем-то неподатливым, и не победил. Стол у него всегда был в безупречном порядке — папки, экраны, стакан с карандашами, — но сейчас поверх этого порядка лежал листок бумаги, прижатый кулаком.

— Садись, — хмуро сказал он, не глядя на Данте.

— И тебе звучать чисто!

— Угу! — Виктор поднял наконец взгляд, увидел стакан кофе, потянулся к нему. — Ты ангел.

— Я эксперт. Это другая профессия.

— Вот, смотри, — Виктор снял кулак с листка и придвинул его через стол.

Данте взял. Три строфы. Почерк у Виктора был мелкий, аккуратный — такой же, как в его протоколах. Данте прочитал раз, потом ещё раз.

Виктор следил за ним с тем выражением, которое профессиональный следователь пытается сделать нейтральным, но это не получается, когда дело касается собственных стихов.

— Ну? — сказал он через тридцать секунд.

— погоди. пей кофе, не отвлекайся. Булочки — в пакете.

Ещё пауза.

— Данте!

— Виктор, помолчи. Я читаю.

Наконец, Данте отложил листок.

— Первая строфа — хорошая, — сказал он. — По-настоящему хорошая. Честно. Ты пишешь о Кларе?

— Да, — слегка смутился Виктор и заёрзал на стуле.

— Видно. Там есть дыхание. А вот дальше, во второй строфе — ты начинаешь стараться. Вот: «Твоих ресниц прозрачный дождь» — это красиво, но это не ты. Это шаблон, Виктор. Ты выбираешь слова, которые, как тебе кажется, должны звучать поэтично, вместо слов, которые звучат правдиво.

— А что бы написал ты?

— Я бы написал: «Ты закрываешь глаза — и мне хочется остаться». Просто. Без дождя из ресниц.

Виктор замолчал. Потом тихо повторил:

— «Ты закрываешь глаза — и мне хочется остаться»... Чёрт! Ну почему у тебя это звучит, а у меня — нет?

— Потому что ты думаешь — как сказать. А надо думать — что сказать. Техника придёт. Важнее — честность.

— Клара говорит то же самое. Она говорит: «Виктор, ты слишком стараешься быть поэтом. Просто будь собой, и стихи появятся».

— Она умная женщина.

— Она гениальная женщина. И я совершенно не понимаю, что она во мне нашла. Она играет на виолончели так, что я перестаю думать о делах. Это, наверное, и есть счастье... А я... я не могу даже заплатить за ужин в ресторане без подсказки.

— Перестань! Ты честный. В нашей работе это важнее таланта.

Виктор хмыкнул, но в его глазах мелькнуло что-то тёплое.

— А что с третьей строфой?

— Убрать. Вторую переписать или тоже убрать. Оставить первую и добавить к ней то, чего ты боишься написать.

— Откуда ты знаешь, что я чего-то боюсь написать?

Данте посмотрел на него.

— Виктор, я читаю стихи профессионально. Когда человек боится — это видно. Особенно когда он умный и начинает прятать страх за красивые слова.

Виктор помолчал.

Внезапно дверь кабинета приоткрылась без стука, и внутрь заглянула женщина с короткой стрижкой и насмешливым прищуром тёмных глаз.

— Кафка, ты жив? — спросила она и тут же заметила гостя. — Ой, мастер Лорка! Звучи чисто!

— И тебе ровного резонанса, Казимира, — улыбнулся Данте.

Казимира Дали, следователь из отдела театральных нарушений, шагнула в кабинет, потрясая тонкой пластиковой папкой.

— Виктор, мне нужен твой бюрократический мозг, — с ходу заявила она. — У нас там режиссёр переставил акценты в классической пьесе, добавил две паузы в монологе и теперь требует зарегистрировать это как новую эмоциональную сигнатуру. ФАКТУРА выдаёт сорок процентов оригинальности, актёры жалуются, что он украл их сценические находки... Как мы это оформляем? Как соавторство или как интерпретацию?

Виктор профессионально вздохнул, мгновенно переключаясь со своих стихов на работу.

— Если концептуальный каркас был зарегистрирован им до премьеры — это интерпретация, и Эхо делится согласно договору. Если нет — актёры забирают единицы Эха за живое исполнение. Отклоняй его заявку.

— Блестяще! — просияла Казимира. — Бюрократия спасает искусство. Спасибо, Кафка. — Она повернулась к поэту. — Данте, заходи к нам как-нибудь, у нас в театральном весело.

Она махнула рукой и исчезла в коридоре так же стремительно, как появилась. Виктор покачал головой, но на губах его играла лёгкая улыбка.

— Она когда-нибудь ходит шагом? — спросил Данте.

— Только когда преследует подозреваемого, — ответил Виктор. — И то, чтобы тот не умер от страха раньше времени.

Они рассмеялись.

— Как дела на службе? — спросил Данте, откусывая булочку.

— Да как обычно. — Виктор последовал примеру друга и тоже, выудив из пакета булочку, впился в неё зубами. — Попытки получить услуги и товары за заимствованные стихи и музыку. И как всегда — без оповещения о цитировании и отсылки к авторам. Ничему их жизнь не учит! Студенты с плагиатом на зачётах. ФАКТУРА их пачками ловит. Скука. Вчера был один интересный случай: художник пытался заплатить за аренду студии картиной, которую он написал при помощи ИИ, скопировав стиль Мастера-Живописца из Жюри. ФАКТУРА выдала 98% совпадения по мазкам. Пришлось отклонить. Парню теперь грозит стирание творческой подписи на полгода.

— Сурово.

— Это да. Полгода он не сможет регистрировать новые работы под своим именем. Всё, что создаст — либо анонимно, либо ему придётся работать через посредника.

— Для художника это почти как запрет дышать.

— Но если каждый начнёт оправдываться вдохновением, мы утонем в подделках!

— Согласен, — кивнул Данте.

Они ещё немного поговорили о пустяках: о погоде, о том, что Клара готовится к отбору на Юбилейный концерт, что в Академии Данте уже начались занятия на Кафедре Искреннего Слова.

— Ладно, друг, — поэт посмотрел на свой завибрировавший наручный биосенсор. — Мне пора! Лекция в Академии уже через полчаса.

— Заходи ещё! И спасибо за... ну, ты понял.

— Твори душой, Виктор.

— Искусство вечно!

Они пожали друг другу руки, и Данте вышел из кабинета приятеля.

Выйдя из Антиплагиата, Данте направился в сторону Академии Искусств. Это было самое красивое здание в городе — белое, воздушное, с огромными окнами, из которых лился свет и музыка. Здесь готовили будущих творцов — тех, кто будет поддерживать эмоциональный баланс общества.

Он преподавал на Кафедре Искреннего Слова. Его курс назывался «Анатомия подлинности». Он учил студентов не рифмам и размерам — этому учил ИИ. А Данте учил их слушать себя.

— Мастер Лорка, — подняла руку девушка с первого ряда. — Мы всё время говорим о «чистоте» и «искренности». Но если спуститься с Парнаса на землю... как именно это работает? Технически. Почему моё вчерашнее стихотворение — это просто буквы, а ваше — это ужин в ресторане?

Данте прислонился к краю стола, чуть прищурившись. По аудитории пролетел легкий смешок.

— Вы хотите поговорить о физиологии кошелька, Лиза? — он улыбнулся. — Что ж, давайте. Представьте, что наше общество — это огромный рояль, который долго стоял в сыром подвале. Он расстроен. Ноты фальшивят. Мы с вами — те, кто пытается выбить из него чистый звук.

Он прошелся вдоль доски, на которой мелом была нарисована схема человеческого сердца, переплетенная с цифровым кодом.

— Когда вы создаете что-то — стих, мелодию, даже просто честную зарисовку в блокноте — вы посылаете сигнал. Но сам по себе сигнал — это еще не Эхо. Это просто шум в эфире. Чтобы он превратился в валюту, нужен резонанс. Кто-то должен вас услышать. И не просто услышать, а «провалиться» в вашу интонацию.

— И тут в дело вступает браслет? — подал голос парень с задней парты.

— Именно, Марк. Биосенсор — это самый беспристрастный критик. Он не слушает ваши оправдания. Он считывает пульс, проводимость кожи, гормональный всплеск. Если получатель вашего творчества действительно что-то почувствовал — сенсор мигает зеленым. Это «квитанция». Подтверждение того, что в мире стало чуть меньше пустоты.

Данте сделал паузу, обводя студентов взглядом.

— В этот момент и рождается единица Эха. Она уходит в Банк Системы. И Система фиксирует: «Автор X создал подлинный момент для Слушателя Y». Автор получает вознаграждение на счет, а излишки Эха...

— Уходят тем, кто ничего не сочиняет? — с легким вызовом спросила Лиза. — Тем, кто просто чинит роботов-уборщиков или управляет дронами-курьерами?

— Именно им, — спокойно подтвердил Данте. — И в этом величайшая справедливость Эры Резонанса. Чтобы вы могли писать стихи, кто-то должен выпекать хлеб и следить, чтобы в ваших квартирах было тепло. Ты же не хочешь мёрзнуть, Лиза?

Студенты опять засмеялись.

— Простой рабочий — это идеальный приемник, — продолжил Данте. — Своим трудом он обеспечивает нам тишину, в которой мы можем творить, а своим искренним откликом на наше творчество — он делает Эхо легальным. Мы генерируем топливо, Система распределяет его так, чтобы мир не заглох. Без них мы — соловьи в вакууме. Нам нечего будет есть, а им — не о чем будет плакать.

— Но как Система понимает, сколько Эха дать за одну строчку? — не унималась Лиза. — Ведь чувства у всех разные.

Данте подошел к окну и указал на один из городских экранов, где мерцал портрет Вольфганга Рембо.

— Для этого и существует Эталон, друзья мои. Вы это проходили еще в школе, на уроках Истории Чувств. Песня Пробуждения — это и есть наш «золотой метр». Идеальный резонанс. ФАКТУРА сравнивает с ней вашу эмоциональную сигнатуру. Насколько вы близки к абсолютной искренности? Насколько ваш «голос» чист от алгоритмических помех?

Он иронично приподнял бровь.

— Так что, Лиза, если ваше вчерашнее стихотворение не оплатило вам ужин — значит, в нем было слишком много вас и слишком мало правды. Или вы просто пытались казаться поэтом, вместо того чтобы им быть. Эхо не обманешь. Оно — как зеркало: если рожа кривая, цифры в браслете не выправят макияж. — Данте замолчал, переждав очередную волну смешков, и только потом закончил свою мысль. — Даже одна честная строка об усталости тронет сильнее, чем фальшивая поэма о любви.

— А если честная строка никого не тронет? — задала свой очередной вопрос Лиза.

— От этого она не перестанет быть честной, — улыбнулся Данте. — Не всякая правда обязана быть принятой с первого раза.

Девушка задумалась, кивнула, и что-то записала в свою тетрадь. Потом подняла глаза и тихо спросила:

— А вы сами так делали, мастер Лорка? Писали что-то, что никто не принял?

Данте ненадолго замолчал. Потом ответил:

— Да. И это были мои лучшие строки.

Вся аудитория изумлённо замерла. А Данте с улыбкой оглядел притихших первокурсников и продолжил.

— Еще вопросы? Или попробуем создать что-то, что хотя бы потянет на чашку кофе?..

Студенты зашуршали тетрадями, задвигали планшетами. Данте смотрел на них — молодых, немного наивных, но при этом пытливых и настырных — и вспоминал себя в их возрасте. Когда-то он тоже задавал вопросы своим преподавателям. Много вопросов... Он искал себя.

А сейчас... Сейчас он чувствовал себя на своём месте. Он верил в то, что говорил. Он верил в Систему, которая дала ему возможность говорить об этом.

После ухода Данте Виктор снова взял в руки сложенный листок со своими стихами, развернул его и прочитал свои строфы ещё раз. Повторил вслух совет Данте:

— Добавить то, чего боишься написать...

Виктор взял ручку. Попробовал переписать вторую строфу. Зачеркнул. Написал заново. Снова зачеркнул. Третья строфа упорно лезла обратно, хотя он её уже вычеркнул.

«Твоих ресниц прозрачный дождь...» Действительно, бред...

Виктор перечеркнул её и написал сверху: «Ты закрываешь глаза — и мне хочется остаться».

Перечитал её. Строка была хорошей. Правильной. Но она была не его. Она принадлежала Данте.

Он откинулся на спинку стула и тяжело вздохнул.

— Следователь Кафка! Вам вызов! — голос ИИ-помощника выдернул Виктора из мыслей.

На экране монитора высветилось: «Стеклова Н. В. Старший куратор отдела»

Виктор посмотрел на экран, потом на свои неудавшиеся стихи. Вздохнул ещё раз, глубже. И нажал кнопку приёма.

— Слушаю, Нора Валерьевна.

Голос начальницы был ровным, деловым:

— Виктор, зайдите ко мне. Прямо сейчас.

Видимо, вопрос был важный и конфиденциальный, раз Старший куратор решила не обсуждать это по связи.

— Иду!

Он отключил связь, аккуратно сложил листок со стихами и убрал его в верхний ящик стола. Мечтательное выражение уже исчезло с лица Виктора, сменившись профессиональной маской следователя.

Он встал, поправил китель и вышел из кабинета.

Глава 2. Новое дело

Кабинет Старшего куратора находился на четвёртом этаже, в самом конце коридора — там, где здание Антиплагиата переставало быть приветливым.

На первых этажах были мягкие кресла для посетителей, живые растения, светлые стены, тихая музыка в холлах. Всё это должно было напоминать людям: Антиплагиат не карает — Антиплагиат защищает подлинность. Здесь не ломают судьбы, а возвращают их в честное русло.

На четвёртом этаже музыка уже не звучала. Только длинный коридор, узкое окно в торце и одна-единственная дверь без таблички. Всё остальное пространство этажа занимало серверное оборудование, где жила ФАКТУРА.

Виктор прошёл идентификацию, приложив свой браслет к консоли, и вошёл в кабинет куратора. Дверь с тихим жужжанием закрылась за его спиной. Послышался звук закрывающегося замка — кабинет Стекловой был полностью автоматизирован.

Браслет-контроль на запястье следователя вздрогнул и погас. Это означало, что в кабинете заблокированы все ИИ и любые устройства записи и связи. Был запущен режим «Тишина». Виктор сразу напрягся. Такое на его памяти было лишь один раз, несколько лет назад — при прорыве в сеть исходных файлов одного из пре-революционных ИИ-систем, подменяющих истинное творчество результатами творчества нейросетей. Преступника тогда так и не нашли...

Сама Стеклова стояла у одного из окон спиной к Виктору. Седые волосы собраны в тугий узел, тёмно-синий костюм без единой складки, руки сцеплены за спиной. Она всегда казалась Виктору человеком, который даже молчать умеет по инструкции. В Антиплагиате её боялись все, включая, наверное, даже саму ФАКТУРУ. Нора Стеклова была легендой. Она стояла у истоков Антиплагиата, лично знала всех Мастеров Высокого Жюри и реализовала систему синтеза творческой интуиции с аналитическим инструментарием следствия.

Виктор быстро осмотрелся. Всякий раз, когда он бывал в этом кабинете, его поражал здешний минимализм. Вот и сейчас на столе Старшего куратора лежала лишь одна закрытая серая папка без какой-либо маркировки, рядом — тонкий экран ноутбука, чашка остывшего чая и маленький горшок с фикусом, который тоже выглядел так, словно живёт по протоколу. Чуть в стороне стоял большой круглый стол на шестнадцать мест — как раз по количеству следователей Антиплагиата столичного округа.

На стене за столом Старшего куратора висел портрет Вольфганга Рембо. Не парадный цифровой холст, что светился сейчас на каждом уличном экране к сорокалетию Революции, а карандашный набросок. Молодой мужчина с гитарой в руках задумчиво смотрит вдаль — как будто слышит звук, до которого остальным ещё предстоит дорасти.

— Нора Валерьевна?

— Подойдите сюда, Кафка, — не оборачиваясь, пригласила Виктора к окну куратор.

Следователь подошёл, встал рядом со Стекловой.

— Что вы видите, Кафка? За окном.

Виктор посмотрел в окно. Оно выходило на Проспект чувств, вдоль которого стояли невысокие здания ведомств: Дома творчества, концертные залы, библиотеки. Разнообразный архитектурный стиль, но всё выглядело очень гармонично.

Проспект был широким, и по нему вдоль красивых аллей сейчас двигались десятки людей. Где-то играла музыка, возле фонтанов стояли кучки молодых людей. Недалеко от небольшой скульптуры — переплетённые с виноградной лозой скрипка и кисть, разрывающие пути колючей проволоки, — расположились уличные художники.

Не давая Виктору времени сформулировать ответ, Стеклова продолжила.

— Люди живут. Кто-то спешит по своим делам. Кто-то делится результатами своего творчества. Кто-то просто гуляет и наслаждается общением. Люди живут, пока всё остальное за них делают ИИ и автоматика. Как вы думаете, Кафка, почему раньше люди не могли жить так, как сейчас? Ведь у них и до Революции было всё то же самое.

Виктор задумался. Меньше всего ему сейчас хотелось ляпнуть что-то не то. А нынешняя обстановка в кабинете куратора была далека от обычной: «я говорю, а ты слушаешь и исполняешь».

— У них не было... нас?

— Эха... — мягко поправила его куратор. — Искреннего эмоционального отклика на искреннее... Того, что делает нас людьми... А я ведь хорошо помню прежний мир. Не из хроник. Мне было десять лет, когда грянула Революция. А в этом возрасте всё начинает восприниматься острее...

Старший куратор сделала паузу, а потом продолжила.

— Помню, как мои родители сидели друг напротив друга и не разговаривали. У каждого был свой экран. У отца — ИИ-собеседник, который понимал его «глубже, чем семья». У матери — персональная сеть заботы, которая подбирала ей общение по эмоциональному фону. Они не ссорились. Им просто не о чем было говорить.

Она говорила ровно. Без надрыва. Почти равнодушно.

Виктор слушал её растерянно. Он впервые видел своего начальника таким... живым. Несмотря на отрешённость в голосе Стекловой, она сейчас не была той колючей железной леди, какой её все знали. И это напрягало Виктора. Зачем она его вызвала? Не для того же, чтобы рассказать о своей семье?

— Моя старшая сестра была чувствительнее меня, — продолжала рассказывать Стеклова. — Она первая поняла, что этот комфорт не лечит её одиночество, а делает его удобным. Написала своей нейросети письмо. Длинное. Очень красивое, как потом сказали эксперты. Нейросеть ответила сочувственно: предложила дыхательные упражнения, мягкий плейлист и план выхода из душевного кризиса. Сестра поблагодарила её. А утром её не стало...

Виктор невольно переступил с ноги на ногу. Гравийная тишина кабинета давила на уши. Стеклова никогда раньше не позволяла себе подобных откровений.

— Мне жаль... — выдавил Виктор.

— Это было давно, — Стеклова развернулась к нему, и на лацкане её мундира блеснула серебряная спираль — символ высшего чина в Антиплагиате. — Нейросеть не была виновата. Она сделала всё по протоколу. В этом и был ужас. Весь мир делал всё по протоколу. И всё равно люди исчезали... изнутри.

Она обошла замершего в ступоре Виктора, подошла к своему столу и чуть повернула чашку на столе, хотя вовсе не собиралась пить. Посмотрела на портрет Рембо.

— А потом появился он. Сейчас в учебниках пишут, что после его песни все сразу стали счастливы. Но это не так. Была ломка. Тяжёлая, кровавая ломка. Люди не знали, как дышать без подсказки ИИ, как чувствовать без фильтров. Было много ошибок.

— Но оно того стоило, — осмелился сказать Виктор.

— Стоило, — Она, наконец, посмотрела на него прямо. — Рембо не дал людям счастья. Это было невозможно. Но он вернул им право быть живыми. А всё живое нуждается в защите. Для этого мы и существуем. Верно, Кафка?

Дождавшись его утвердительного ответа, куратор кивнула в сторону стола для совещаний.

— Садитесь, следователь Кафка.

Виктор послушно сел в одно из кресел.

— Прежде чем я скажу что-либо по существу, вы должны принять решение.

Она достала из ящика стола лист бумаги и положила перед Виктором. Настоящий, плотный, с водяным знаком Высокого Жюри в правом углу.

— Вам предлагается временное повышение допуска до категории три-А по делу с грифом «Альфа», — Стеклова говорила ровно, но Виктор почувствовал, что воздух в комнате стал плотнее. — Доступ ограничен одним расследованием. Обязательство о неразглашении — бессрочное. До подписи вы можете отказаться. После — нет.

Виктор замер, недоверчиво глядя на лежащий перед ним документ. Категория «три-А» была не просто допуском — это был шаг в круг избранных, в те самые закрытые залы, о которых не спрашивают. Что же это за дело такое, если для него требуется такой допуск?

— А... если я откажусь?

— Дело передадут другому следователю, — отчеканила Стеклова, продолжая сверлить его взглядом. — Кому именно — вы не узнаете.

— Ясно, — Виктор взял в руки лист.

Протокол требовал читать текст вслух, что он и сделал.

— «Я — нижеподписавшийся сотрудник Антиплагиата, подтверждаю добровольное согласие на получение допуска категории три-А по делу с грифом «Альфа». Мне разъяснено, что материалы дела относятся к сведениям особого хранения. Запрещается передача содержания материалов лицам без соответствующего допуска, включая других сотрудников Антиплагиата, членов семьи, творческих партнёров и ИИ-системы бытового класса».

Он чуть замедлился.

— «Нарушение режима секретности влечёт отстранение от службы, отзыв профессионального Эхо-доступа, служебное расследование и направление на курс глубокой гармонизации».

При слове «гармонизация» Виктор невольно сглотнул. Он видел нескольких людей после этой процедуры. Они возвращались спокойными, вежливыми, работоспособными. Но разговаривать с ними было как пить воду, из которой убрали вкус.

— Продолжайте, — сухо бросила Стеклова.

— «Согласие подтверждается биометрией. Отказ от участия в деле не освобождает от обязательств».

Виктор выдержал небольшую паузу, пытаясь унять сердцебиение, а потом поднял глаза на куратора. Он принял решение.

— Я согласен.

Стеклова равнодушно кивнула, словно другого ответа и не ждала, и придвинула к нему тонкий планшет. Виктор приложил палец к световому полю. Под кожу вошёл короткий укол биомаркера. На мгновение рука стала словно чужой, по венам разлился холод.

— Я, Виктор Кафка, принимаю допуск категории три-А. Последствия понимаю. Согласие даю добровольно.

Планшет мигнул зелёным.

— Хорошо. — Стеклова убрала планшет в стол и снова посмотрела на портрет Рембо.

— Вы родились уже после Революции, Кафка. — Стеклова не задавала вопрос, а констатировала факт, потому Виктор промолчал. — Вам повезло. Вы не знаете, каков на вкус заменитель жизни... А теперь к делу!

Она присела в кресло рядом со следователем. Положила перед собой ту самую папку — без маркировки — и открыла её.

На первой странице была только надпись: «СО-1391/918-А. Категория: «Альфа». Предварительная проверка».

Виктор пробежал надпись глазами и вопросительно уставился на Стеклову.

— Несколько месяцев назад ФАКТУРА начала фиксировать аномалии в районе Е-9 и смежных кварталах, — начала размерено пояснять Стеклова. — Сначала ничего, что требо-

вало бы особого внимания. Стихийный вечер в подвале бывшего Дома быта. Около двадцати слушателей. Женщина читает стихотворение. Текст не зарегистрирован в Базе Шедевров. У слушателей — глубокий резонанс выше среднего уровня.

Старший куратор замолчала, ожидая комментарий следователя.

— Незарегистрированные вечера самодеятельных авторов там проходят постоянно, — заметил Виктор. — Незначительное нарушение административного характера. Это дело муниципальных властей.

— Верно. Поэтому этот эпизод ушёл в текущий мониторинг, — она достала второй лист. — Но через три недели — второй эпизод. Другое место, другой текст, похожая исполнительница. И уже сорок один подтверждённый резонанс.

Виктор нахмурился, но промолчал.

— Затем, — Стеклова вынула из папки третью страницу, — третий эпизод — семьдесят девять подтверждённых резонансов. Новое место, но женщина, судя по описанию одежды — та же. И вчера — четвёртый.

Она достала четвёртый лист.

— Но вчера она не читала. Она пела. Колыбельную. На площади у фонтана Согласия, среди бела дня. Кто-то записал фрагмент на личный браслет и выложил в сеть.

— Сколько запись была доступна?

— Одиннадцать минут. ИИ-инспекторы удалили её, когда уровень распространения превысил критический порог.

— Основание для удаления?

— Формальное: незарегистрированное распространение неизвестного системе творческого продукта с неустановленной эмоциональной сигнатурой. Вопросы не к содержанию.

— Сколько было прослушиваний?

— Семнадцать тысяч четыреста тридцать два.

Виктор ничего не сказал, но цифра его впечатлила. Это был охват, соответствующий производству сертифицированного мастера! А Стеклова между тем продолжала вводить его в курс дела.

— У двенадцати процентов слушателей — глубокий отклик. У трёх процентов — повторное воспроизведение в течение часа.

— Повторное воспроизведение? — удивился Виктор. — Эффект Усиленного Эха?

— Да. Люди напевали эту колыбельную. Переписывали слова. Попытались восстановить мелодию на музыкальных инструментах. ФАКТУРА нашла два бумажных фрагмента: один на салфетке в кафе, другой на обороте квитанции за ремонт обуви. И это только начало.

Виктор непонимающе посмотрел на куратора. То, что она рассказывала ему сейчас об этом деле, имело отношение к абсолютно рядовому событию.

— Нора Валерьевна, но ведь это не запрещено, — осторожно проговорил следователь. — Каждый человек имеет право делиться результатами своего творчества абсолютно бесплатно. Об этом говорится в Кодексе Рембо. Вы сказали, что тексты не зарегистрированы в Базе Шедевров... Я думаю, что ФАКТУРА наверняка проверила их и во всех остальных базах — в открытых источниках, в библиотеках учебных корпусов Академии, в реестрах бытового творчества...

— Проверила, — кивнула Стеклова. — Продукт нигде не зарегистрирован, чужого авторства не установлено.

— Тогда почему столько внимания? — ещё больше растерялся Виктор. — Ведь эта женщина вполне может быть автором. К тому же как я понимаю, она не брала за свои выступления единицы Эха. И не расплачивалась творчеством за услуги и товары. Нет никакого умысла. Мы не можем говорить о мошенничестве или воспроизведении украденного. Нет оснований.

Глаза Стекловой сузились. Виктор замер, ожидая разноса от куратора. Ему показывают дело высокой секретности, но он не видит в нём нарушения Кодекса. В чём он ошибается?

— Вы абсолютно правы, Кафка, — неожиданно легко согласилась Старший куратор. — Единственное, что не укладывается в обычную модель — это то, что последнее произведение — колыбельная — начала жить в Усиленном Эхо быстрее, чем система успела понять, что оно такое.

— Может быть, эта женщина — самородок? — предположил Виктор. — Неизвестный Мастер?

Стеклова задумчиво кивнула.

— Я включу запись. Послушайте.

Она включила защищённый проигрыватель.

Голос заполнил кабинет. Женский голос. Негромкий. Без профессиональной отделки, без привычной академической мягкости, без желания нравиться. Голос не выступал — просто был рядом. Как ладонь на плече. Как свет в коридоре, оставленный для ребёнка, чтобы тот не боялся темноты...

Виктор вдруг почувствовал запах мыла и летней пыли. Это был запах домашнего халата его матери. Она умерла больше двадцати лет назад, когда ему не было и пяти лет. Он давно научился вспоминать её без боли утраты. Но сейчас память прошила его насквозь.

Запись оборвалась. Виктор сидел, глядя в одну точку, боясь шевельнуться. Запах мыла и летней пыли — невозможный, невозвратный — всё ещё стоял в воздухе кабинета. Или ему так казалось. Если бы сейчас кто-то спросил, чего он хочет, — он бы не смог ответить. Потому что хотел невозможного — он хотел к маме...

Стеклова не комментировала его реакцию, хотя, безусловно, заметила. И за это Виктор был ей благодарен.

— Вы абсолютно правы во всех своих выводах, Кафка, — неожиданно одобрительно закивала головой Стеклова. — Вы отличный следователь — беспристрастный, умный, смелый. И только что опять доказали это. У нас нет оснований предполагать, что эта женщина — преступница. Её уровень действительно как минимум приближается к уровню Мастера. Но вряд ли бы я пригласила вас к себе в кабинет, обеспечив режим «Тишина» и предложив получить допуск три-А, если бы дело действительно было таким простым...

Виктор замер. Вот оно!

— ФАКТУРА действительно провела анализ и сравнила произведения неизвестной женщины во всех существующих базах. Стилистический профиль не соотносится ни с одним зарегистрированным автором. Но...

Стеклова чуть прищурилась и после паузы продолжила.

— Отдельные структуры текста и мелодии дали совпадение с материалами особого хранения. С Закрытыми секторами Архива... Формулировка ФАКТУРЫ: «сходство недостаточно для установления источника, но достаточно для служебного уведомления».

Виктор изумлённо замер. Закрытые сектора Архива? А это ещё что такое? Стеклова почувствовала его вопрос, но не дала его озвучить.

— Да, Кафка, вы не ослышались. Кроме Базы, есть ещё и Архив. То, что было создано людьми задолго до Революции, но по разным причинам не вошло в Базу Шедевров и реестры. И у этого Архива есть открытые сектора, которые использует для анализа высшая модель ФАКТУРЫ. И есть закрытые, доступ к которым имеют лишь несколько человек — Мастера Высокого Жюри и я. По службе.

Следователь сглотнул неожиданно образовавшийся ком в горле. Теперь ему стала ясна секретность дела и необходимость в его допуске. К закрытым секторам Архива его, конечно, не допустят, но даже само знание об их существовании...

— Кафка?

— Да, я... — Виктор прокашлялся. — И каков процент совпадения?

— 76 процентов.

Процент был высок. Очень. Но это было невозможно! Судя по голосу, женщине было не больше 30 лет. Она никак не могла иметь отношение к Архиву, да ещё к его закрытому сектору. Если только...

— Я вижу, у вас уже есть версии, — ухмыльнулась Стеклова.

— Высокое Жюри, я полагаю, в курсе?

— Аппарат Жюри получил уведомление через шесть минут после моего предварительного отчёта. Полный состав не созывался. Пока. — Она прикрыла папку ладонью. — Но Антиплагиат уже получил задание на расследование с самым высоким приоритетом. Я, как вы понимаете, заниматься расследованием лично не смогу, есть другие задачи. Поэтому выбор пал на вас.

— Почему я? — спросил Кафка. — В Антиплагиате есть пять следователей выше меня рангом...

— Я выбрала вас, потому что вы честны, не слишком тщеславны и умеете открывать двери, не ломая их. К тому же один из членов Жюри помнит дело Ориоля — то, как вы и Лорка его закрыли год назад. Он назвал вас «самым результативным дуэтом Антиплагиата».

Виктор вспомнил то дело. Композитор подделывал резонансные сигнатуры умерших авторов. Именно Данте тогда услышал фальшь — не в мелодии, а в том, как Ориоль слишком аккуратно имитировал чужую боль.

— Вам понадобится эксперт. Не просто эксперт по рифме и не академический толкователь. Человек, который умеет слышать чужую интонацию. Лорка подходит лучше всех. Вы уже три года работаете вместе. И, насколько я знаю, дружили с ним и до этого?

Кафка кивнул.

— Данте потребуется допуск...

— Категория два-А. — подтвердила Стеклова. — Ограниченная. Тексты, резонансные сводки, фрагменты аудио. Без самостоятельных запросов через ФАКТУРУ, без закрытых источников, без права копирования. Бланк будет готов к утру. Зайдёте ко мне сразу после восьми утра.

— Техническая поддержка? Я могу взять в команду Глеба?

— Глеб Кандинский? Это тот чудак, что называет ФАКТУРУ «милая»?

Виктор чуть улыбнулся.

— Он самый.

— Хорошо. Но — только слепые задачи: метаданные, маршруты, камерные провалы, реестровые срезы. Он не слышит запись, не видит текста, не знает содержания дела. Доступ технический, временный, журналируемый.

— Сроки?

— Первая сводка — через три дня. Ежедневные краткие отчёты — лично мне, здесь, при «Тишине». Ваша задача: установить личность исполнительницы, круг контактов, источник текстов и степень риска. Без шума. Без задержания. Официально это — предварительная проверка по факту возможного нарушения Кодекса.

— Понял, — Виктор встал с кресла, понимая, что аудиенция заканчивается. Пора приступать к работе.

Стеклова тоже встала с кресла и коснулась своего браслета.

— «Гермес», режим «Тишина» — отмена!

Мягкий гул систем вернулся. Браслет на руке Виктора вздрогнул и включился.

— Работайте,следователь Кафка! Все материалы в папке.

Виктор взял папку со стола, кивнул и направился к выходу. Когда он был у двери Стеклова добавила, уже тише:

— И не позволяйте красивому голосу посеять в вас сомнения.

Виктор оглянулся. Стеклова смотрела не на него. Она смотрела на портрет Рембо.

Интерлюдия 1

ФАКТУРА.

Сводный отчёт по сектору Е-9 за стандартные сутки.

Версия 9.1.0.7.6.

Гриф: открытый (фрагмент)

Зафиксировано актов эмоционального обмена: 48 217. Из них подтверждённый резонанс: 41 902 (86,9%). Ниже порога резонанса: 6 315 (13,1%).

Распределение по типам:

— бытовые зарисовки: 22 104

— музыкальные формы: 9 870

— поэтические формы: 7 233

— изобразительные формы: 2 695

— прочее/смешанное: 6 315

Средняя сила отклика по сектору: 0,34 Эталона. Пиковое значение за сутки: 0,71 Эталона (концертный зал «Северная звезда», исполнитель сертифицирован, договор подтверждён).

Отклонения, требующие внимания:

— эпизод 14:22, рынок, сектор Е-9: гражданин (профиль скрыт) получил отклик 0,52 Эталона за бытовую зарисовку. Проверка: отклонений не выявлено. Высокий природный профиль. Рекомендация: предложить курсы развития.

— эпизод 19:48, жилой квартал: зафиксирован коллективный отклик группы из 9 человек на незарегистрированное исполнение. Источник: пожилой гражданин, бывший музыкант, статус «корректирован». Сила отклика: 0,11 Эталона. Угрозы не представляет. Зафиксировано. Действий не требуется.

— эпизод 23:10, сектор Е-9, граница Зоны Гармонии: зафиксировано отсутствие сигнала на участке протяжённостью 140 метров в течение 26 минут. Предположительно — отказ носимых устройств. Рекомендация: плановая проверка инфраструктуры.

Итог суток: показатели в пределах нормы. Эмоциональный баланс сектора стабилен.

Конец фрагмента. Полная версия доступна кураторам 2 ранга и выше.

Глава 3. Два дерева

Ресторан «Камертон» прятался в Музыкальном квартале и был одним из тех мест, куда хочется возвращаться не за едой, а за ощущением покоя.

Георг, хозяин, бывший виолончелист с узловатыми от артрита пальцами и характером старого вредного кота, лично расставлял свечи на столах каждый вечер. Завсегдатаев тоже обслуживал сам, заводя с каждым из них разговоры на самые разные темы.

Медные лампы, зеркала в потемневших рамах, деревянные панели, впитавшие за годы столько музыки, что иногда казалось — стены сами тихонько поют. Георг утверждал, что хорошая еда должна быть как хорошая импровизация: не идеальной, а честной. Расплачиваться у него можно было чем угодно — стихотворением, мелодией, коротким рассказом, даже карандашным наброском на салфетке. Можно было и стандартным Эхо, напрямую с браслета, но тогда Георг смотрел на тебя так, будто ты в консерватории попросил билет на футбол. Впрочем, таких людей заносило в «Камертон» крайне редко.

Виктор пришёл на семь минут позже оговорённого времени. Клара уже сидела за их любимым угловым столиком у окна и задумчиво листала свою нотную тетрадь. Свет от свечи мягко ложился на её лицо, и Виктор, как всегда, на мгновение застыл, любуясь своей возлюбленной.

У Клары были тёмно-каштановые волосы — густые, чуть вьющиеся, обычно собранные в небрежный узел, из которого к вечеру выбивались непослушные пряди. Она никогда не укладывала их специально. Говорила, что руки музыканта существуют для грифа, а не для управления шпильками и заколками. Глаза — карие, с золотистыми крапинками у зрачков, которые Виктор заметил только через месяц после их знакомства, и с тех пор не мог перестать замечать. Голос у неё был низкий для женщины, чуть с хрипотцой, и когда она говорила тихо, Виктор всегда чувствовал необъяснимое магическое воздействие — будто внутри подстраивался незримый резонатор.

Тонкие пальцы виолончелистки постукивали по краю бокала с водой. Она ещё не заказывала вино — ждала его.

— Прости, — сказал Виктор садясь.

— Ты всегда говоришь «прости» таким тоном, будто опоздал на собственные похороны. Семь минут, Виктор. Целых семь минут! За это время я могла бы дважды исполнить полонез Огинского! Но я пережила.

— У тебя терпение святой, — улыбнулся Виктор.

— У меня терпение виолончелистки. Это хуже. Я привыкла ждать, пока мой инструмент прогреется.

Георг возник у стола бесшумно, но с достоинством, как и полагается человеку, который тридцать лет выходил на сцену.

— Следователь Кафка, — произнёс он мрачно. — Вы опять будете пытаться расплатиться стихами?

— Я надеялся, Георг.

— Надежда — прекрасное чувство. Но после вашего прошлого стихотворения я до сих пор сам не свой.

— Зацепило? — не удержался Виктор.

— Скорее вывернуло наизнанку, — бесстрастно ответил Георг.

Клара прикрыла рот ладонью, гася смех.

— Георг, я работал над тем стихотворением целую неделю, — напрягся Виктор.

— Вот это и пугает, — Георг положил перед ними меню. — Клара, а ты сегодня сыграешь старику?

— С удовольствием!

— Тогда ужин за мой счёт, — неожиданно тепло улыбнулся владелец ресторана. — А вы, следователь Кафка, можете внести свой вклад... молчанием. Оно у вас выходит значительно лучше поэзии.

Георг удалился, и Клара, наконец, рассмеялась — тем низким, тёплым смехом, от которого у Виктора всякий раз что-то сжималось под рёбрами.

— Он тебя обожает, — сказала она.

— Он обожает издеваться, — буркнул Виктор.

— Это одно и то же. Мужчины часто выражают любовь через вот такие провокационные подтрунивания...

— Я выражаю любовь через стихи. А меня за это не кормят.

— Может, сто́ит попробовать провокации?

Виктор улыбнулся. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга, и мир сузился до пространства между двумя стаканами воды и пламенем свечи.

Потом Клара подалась вперёд.

— Меня пропустили во второй тур.

Она сказала это тихо, почти буднично. Но пальцы, стучавшие по бокалу, замерли — выдали.

— Клара... — Виктор знал, насколько это было для неё важно. — Это... это же замечательно!

— Ты не представляешь, что я сейчас испытываю! — Клара больше не сдерживалась, её глаза блестели.

— Клара, ты настоящий музыкант! Ты всегда играешь так, что хочется не аплодировать, а летать.

Клара моргнула. Потом тихо сказала:

— Это лучшее, что ты мне когда-либо говорил. И ты даже не пытался это зарифмовать.

— Может, мне попробовать себя в прозе?

Она взяла его руку. Её пальцы были прохладными — как всегда, после репетиций.

— Второй тур через десять дней. Если пройду — репетиции с оркестром. Юбилейный концерт, Виктор. Представляешь? Главная площадь. Весь город. Вся страна... Мне страшно...

— Почему страшно?

— Потому что хочу. По-настоящему хочу. А когда по-настоящему хочешь чего-то от Системы, начинаешь думать, насколько ты уже готов ради этого уступить.

Виктор внимательно посмотрел на Клару.

— Что-то случилось на репетиции?

Клара поморщилась лёгкой, почти незаметной гримасой.

— Куратор. Он сказал: «У вас прекрасная тьма в звуке, Клара. Но Юбилей не место для неконтролируемой тьмы. Попробуйте сделать боль светлее».

— Светлее, — повторил Виктор.

— Угу. Я спросила, что это значит. Он объяснил: «Чтобы зрители уходили с подъёмом, а не с вопросами».

Виктор промолчал. Он слишком хорошо знал этот язык кураторов. Их язык, в котором «правильное» всегда чуть важнее «настоящего».

— А потом он добавил: «Мастер ценит тишину, в которой нет лишнего шума». — Клара вздохнула.

— Мастер? — насторожился Виктор.

— Ну да. Мастер-Композитор — Стефан Линдблад. Он курирует всю музыкальную часть Юбилейного концерта. — Она усмехнулась, но без веселья. — Представляешь? Мне впервые в жизни объяснили, что моя тьма — это шум.

— И что ты ответила?

— Сказала «спасибо, учту». И сыграла так же, как играла. Просто чуть тише в нужных местах. — Она вздохнула. — Иногда я думаю: мы празднуем Революцию Чувств, а на самом деле нас учат чувствовать правильно.

Виктор посмотрел на неё — на эту усталую складку у рта, на прядь, прилипшую к виску.

— Ты пройдёшь, — уверенно заявил Виктор.

— Ты не можешь этого знать, — улыбнулась Клара, но было видно, что ей приятны его слова.

— Могу. Я следователь. Я чувствую...

— Ты чувствуешь только своих преступников... — наигранно капризно поджала губы Клара.

— И чудеса. Просто чудеса не подшиваю к делу.

Она улыбнулась. Потом её взгляд стал внимательнее.

— Ты сегодня какой-то другой. Собранный. Как перед сложным вопросом.

— Новое дело.

— Серьёзное?

— Скажем так — необычное.

Клара не стала давить. Она знала эту границу — и знала, что Виктор проводит её не по своей воле.

— Данте привлечёшь?

— Куда ж я без него? — усмехнулся Кафка.

— Хорошо, — она помолчала. — Я видела его вчера у Академии. Шёл один, нёс стопку тетрадей, и у него было такое лицо... знаешь, как у человека, который идёт в дом, где больше не живёт.

Виктор не ответил.

— Три года, Виктор! — вздохнула Клара. — Три года прошло после смерти Инес. И за всё это время он не написал ни одного стихотворения о женщине. Ни одного.

— Он изменился. Стал точнее...

— Точнее — это не то же самое, что живее! — возразила Клара. — Он винит себя, и ты это знаешь.

— Он в её смерти не виноват, — хмуро заметил Виктор. — Просто у них всё только-только опять начало складываться...

— Я знаю, но... Умный, красивый, талантливый мужчина, который может написать такую строку, что делает весь твой мир понятнее и ближе, — и при этом уже три года живёт так, будто поставил себя на паузу.

Она посмотрела Виктору в глаза.

— Береги его в этом деле. Если оно действительно... необычное.

— Я постараюсь.

— Знаю, — улыбнулась Клара.

Принесли ужин — рыбу с какими-то душистыми травами, тёплый хлеб, белое вино. Георг молча поставил перед ними тарелки, разлил по бокалам вино, и лишь после этого ритуала вопросительно посмотрел на Клару.

— После ужина? — спросил он.

— После ужина, — кивнула она.

И Виктор знал, что потом, когда ресторан опустеет, Клара возьмёт виолончель, которую Георг держал специально для неё в подсобке, и будет играть — не для публики, не для единиц Эха, а для старого музыканта с больными руками, который закроет глаза и на несколько минут снова станет тем, кем когда-то был.

Виктор нежно сжал пальцы Клары и подумал: вот оно. Вот ради чего вся эта система имеет смысл. Чтобы такие вечера были возможны. Чтобы чувствовать...

В это же время Данте Лорка шёл по улице Старых Фонарей.

Улица оправдывала своё название. Фонари здесь были дореволюционные, газовые, с настоящим огнём внутри. Их давно могли заменить на стандартные светодиодные, но район отстоял своё право на этот анахронизм. При их свете город терял глянец и обнажал текстуру — трещины в камне, патину на перилах, тени, которые ложились не по расчёту, а как им захочется.

Данте любил эти прогулки. Днём он был профессионалом: преподавал, консультировал, анализировал. А вечером он становился тем, кем всегда хотел быть, — человеком, который ищет слова. Или позволяет словам найти его.

Сегодня слова его не находили. Как и он их.

Вместо них пришла Инес. Не воспоминанием — ощущением. Будто шла рядом по тёмной улице, прижав плечо к его плечу, как умела в их лучшие вечера.

Инес была скрипачкой.

Не Мастер из Жюри, не звезда первых полос — всего лишь второй пульт в оркестре Южного квартала. Вечные подработки уроками, камерные вечера в кафе, где половина публики слушала, а половина обсуждала свои Эхо-счета. Но она играла так, что Данте переставал искать метафоры. Он просто слушал. С ней он впервые понял, что иногда жизнь сильнее стихов.

Они любили друг друга.

Не идеально, не без ссор — но по-настоящему. Первый год Данте почти не писал. Ему казалось, что каждое стихотворение будет уменьшением того, что есть между ними: как будто, вынимая чувство из жизни и превращая его в текст, он крал его у себя. Инес смеялась: «Напиши хоть одну строчку, чтобы я была не только в твоей голове, но и на бумаге». Но он не мог. Не мог перевести на бумагу то, что казалось таким нежным и хрупким.

Но потом трещина всё-таки появилась.

Незаметно, как всегда. Сначала — её усталость после репетиций, когда он забывал её встретить и проводить домой. Потом — его лекции в вечерней школе для работников физического труда, для которых Система предусматривала курсы творчества. Эти лекции съедали все их возможные семейные вечера. Она говорила: «Ты стал профессором своих чувств». Он отвечал: «Ты стала их аудитором».

И он всё-таки написал стихотворение о ней — о её слезах.

Не о ссоре. О том, как она, устав спорить, сидит на подоконнике, прижав к груди скрипку, и смотрит в окно так, будто там есть ответ. Стихотворение получилось красивым, честным — по его внутренней шкале честности. Он прочёл его в Доме поэзии, и это был грандиозный успех. Биосенсоры слушателей пылали зелёным, стихи тут же были предложены в качестве претендента на включение в Базу шедевров, на Эхо-счёт Данте легло несколько сотен единиц.

Инес же, прочитав стихи, положила лист на стол, накрыла его ладонью и долго сидела так, глядя на мужа поверх бумаги. Потом сказала:

— Если бы я не знала, что это обо мне, я бы подумала, что это прекрасно. Но я знаю, что это обо мне. И мне больно, что ты видел мои слёзы как форму, а не как просьбу.

Он пытался объяснить. Говорил о преломлении, о том, что превращает частное в общее, что поэзия — это не дневник. Она слушала до конца, как всегда. А потом сказала очень тихо:

— Я не прошу тебя перестать писать. Я прошу тебя хотя бы раз поплакать рядом со мной, а не записывать, как плачу я.

Они не расстались после этого. Никто не хлопал дверью, не говорил «между нами всё кончено». Они оба были слишком взрослыми для этого — и слишком цеплялись за то, что

ещё можно было спасти. Они оба пытались разобраться — не друг в друге, а в себе. Ходили к городскому медиатору, спорили, молчали, пытались. Это было не разрушение семьи, а попытка её починить. Они ещё верили, что успеют. И у них должно было получиться. Желание обоих было очень велико. Но они не успели...

В тот вечер он впервые по-настоящему решил попробовать сделать то, о чём она всегда просила: не анализировать, не запоминать, а просто быть рядом. Купил бутылку дорогого вина, приготовил ужин и стал ждать.

Но Инес с вечерней репетиции не вернулась.

Сначала Данте успокаивал себя. Бывает: задержали в оркестре, застряла в транспорте, зашла к подружке. Потом включился страх — тот самый, животный, который не описывают стихами. Попытался связаться, но браслет Инес не отвечал на запросы: отключён. Он обзвонил всех: коллег по оркестру, соседей, ближайшие кафе. Никто не видел её после выхода из репетиционного зала.

Тело Инес нашли под утро в подворотне, недалеко от Дома Музыки. Обычная городская полиция оформила всё как «нападение неизвестных с целью ограбления». Браслет сорван. Сумки нет. Скрипка пропала. «Несчастный случай», «статистическая трагедия», «горько, но бывает».

Данте сидел в коридоре морга и смотрел на дверь, за которой её готовили к прощанию. В голове крутилась только одна мысль: «я должен был быть рядом». Следом пришла вторая: «я не был».

Когда закрылась крышка гроба, навсегда скрыв от него бледное лицо любимого человека, Данте подумал: «Футляр. Закрыли футляр. И музыки больше не будет».

Расследование длилось недолго.

Его не закрыли демонстративно быстро — формально всё делали по правилам: опросы, камеры, отчёты.

Антиплагиат к расследованию не подключали: преступление считалось чисто криминальным, и его вела муниципальная криминальная полиция. Но Виктор, который тогда, забросив свою работу, пытался помочь другу и задействовал все свои связи, позже признался ему, что дело лежало в папке с пометкой «маловероятно к раскрытию» почти с первого дня. Никаких отпечатков, никаких свидетелей, никаких записей с камер. В отчёте значилось: «нападение группы асоциальных элементов». В городе такое иногда случалось.

Только в одном отчёте мелькнула строка, которую Виктор увидел уже позже, по чужой неосторожности: «За сутки до гибели гражданка Инес Лорка представила в Комиссию первичной экспертизы новое авторское произведение. Эмоциональная сигнатура — нестандартная, выше порогов сертификации. При одобрении совета кураторов и Комиссии возможна сертификация и подача в качестве претендента на включение в Базу Шедевров». И он сообщил об этом Данте. Но они так и не узнали, что это было за произведение. На все запросы они получали либо отказ, либо сухие ответы: «данные не найдены» или «запись не сохранилась».

После похорон он ещё неделю ничего не писал.

А на восьмой день сел за стол и написал стихотворение о прощании. О белых цветах в зале, о звуке закрывающегося гроба, о том, как люди говорят правильные слова, за которыми прячут собственный страх смерти. Стихотворение получилось пронзительным и разошлось за сутки. Эхо было рекордным.

Он вернулся домой с переполненным Эхо-счетом и впервые почувствовал отвращение — не к людям, которые платили, а к себе.

Он понял: он только что продал её смерть.

С этого момента он не мог смотреть на Эхо так, как раньше.

И тогда он пришёл в Антиплагиат.

Не за мстью — у него не было конкретного врага. Не за справедливостью — справедливость в таком случае возможна только в мифах. Он пришёл за пониманием. Если люди умеют присваивать чужие тексты, чужие чувства, чужую благодарность — значит, где-то в системе есть механизмы, которые это позволяют. Он хотел их увидеть. Хотел знать, в какой момент честный отклик превращается в кражу. В какой момент он сам перешагнул эту черту.

За три года работы он стал лучшим экспертом отдела. Научился слышать фальшь в голосе, в паузах между словами, даже в молчании. Но ни одного стихотворения о женщине больше не написал...

Каждый раз, когда рука тянулась к ручке, он вспоминал тетрадь Инес — ту, что лежала на её столе в день смерти, с недописанной партитурой, которую он так и не увидел полностью.

И рука останавливалась.

Погружённый в свои мысли, Данте не заметил, как оказался почти на самой окраине района — в квартале Д-7.

Здесь в основном жили те, кто не относил себя к людям творческих профессий. Но это были и не трущобы. Хорошие, добротные, стандартные дома — где в три, а где и в пять этажей — ровными рядами стояли по обе стороны улицы. В каждом большом дворе были детская и спортивная площадки, небольшой сквер и открытая сцена, где выступали самодеятельные, а порой и профессиональные артисты. Несколько остановок бесплатного общественного транспорта, сетевые магазины и кафе, больница, школа, муниципальный центр бытовых услуг. Между домами сновали роботы-уборщики и доставщики еды. Всё было чисто, аккуратно и современно.

Система ценила и тех, кто участвовал в экономике Эха опосредованно — создавая продукты и товары, предоставляя услуги, поддерживая город в порядке. Жизнь здешних обитателей почти ничем не отличалась от жизни центральных кварталов. Единица Эха была универсальной: её можно было получить не только музыкой или стихотворением, но и физическим трудом, сменой в больнице, ремонтом, уборкой, перевозкой. Просто одни платили душой напрямую, а другие — временем, силами, руками.

И всё же здесь, в Д-7, было что-то иное.

Может быть, дело было в том, что люди здесь смотрели друг на друга меньше — и спокойнее, словно не ждали от каждого слова немедленного отклика. Или в том, что на дворовых сценах не висели таблички с рейтингами лучших выступлений недели. Или в том, что уличные музыканты играли здесь не чаще, чем в центре, но звучали как-то тише и упрямее, будто играли не для публики, а для самих себя.

Данте свернул в узкий переулок между двумя домами — просто потому, что там было темнее и тише.

И увидел рисунки.

Их было два.

На кирпичной стене слева углём было нарисовано дерево — широкое, тяжёлое, с обрубленными ветвями. Но зато корни его уходили вниз густо и глубоко, занимая почти всю нижнюю часть стены, как будто дерево росло не вверх, а в землю, вгрызаясь в неё. Под рисунком была надпись:

МЫ РАСТЁМ ВНУТРЬ.

На бетонной ограде напротив голубоватой светящейся краской было нарисовано другое дерево — тонкое, стремительное, уходящее ветвями вверх и в стороны. На ветвях вместо листьев мерцали то ли ноты, то ли маленькие язычки пламени. Под ним было написано:

ЭХО НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ НИКОМУ.

Данте остановился посреди переулочка.

Несколько секунд он смотрел то на одно дерево, то на другое. В этих двух рисунках было больше спора, чем во многих официальных дискуссиях Академии. И, наверное, больше жизни.

— Нравится? — раздался голос сбоку.

Данте резко обернулся.

На ступеньке подъезда сидел мужчина лет пятидесяти — невысокий, крепкий, в рабочей куртке. Руки его были в пятнах угля и голубой краски. На запястье — ничего: ни браслета, ни биосенсора.

Данте сразу напрягся. Старый квартал. Поздний вечер. Человек без сенсора.

Мужчина, кажется, заметил это напряжение и даже чуть усмехнулся.

— Не бойся, — сказал он спокойно. — По вторникам и пятницам я хожу без оружия.

Данте невольно усмехнулся. Напряжение не ушло, но стало легче.

— Цепляет, — кивнул Данте, вновь переводя взгляд на рисунки

— Так какое тебе ближе? — спросил мужчина. — Левое или правое?

— Левое, — после паузы сказал Данте. — Хотя правое... красивее.

— Красивее — не значит честнее, — мужчина наклонил голову.

Данте не мог с этим не согласиться.

— Меня зовут Данте, — поэт неожиданно для себя протянул руку мужчине.

Тот, внимательно посмотрев Лорке в глаза, вытер ладонь правой руки от краски и крепко пожал протянутую руку.

— Фил, — представился он. — Я тебя знаю. Ты у Марии стихами расплачиваешься. В общине о тебе говорят.

— И что говорят?

— Что платишь честно.

Это прозвучало без иронии. И, может быть, поэтому Данте не нашёлся с ответом.

— Вы — Молчащие? — спросил он вместо этого.

Фил чуть улыбнулся.

— Разве это запрещено?

— Нет, — чуть смутился Данте.

Мужчина кивнул на рисунки

— Левое рисовала Женя. Она считает: когда человеку не дают расти наружу, он начинает расти внутрь. Углубляется. Корни важнее ветвей. Правое — Андрей. Он злее. Он думает, что Эхо — это клетка, из которой нас просто очень хорошо научили не хотеть выходить.

— А ты? — спросил Данте. — Что думаешь ты?

— Я держал банку с краской и подавал уголь, — ответил Фил.

Данте невольно усмехнулся.

— Очень удобно.

— Жить вообще удобнее, когда не спешишь объявлять себя правым, — спокойно заметил Фил.

Данте чуть улыбнулся. Ему нравилась открытость мужчины. Напряжение между ними медленно таяло, но всё ещё висело в воздухе — лёгкое, как дым от старого костра.

— Почему на стене? — спросил он. — Левое дерево... оно честное. Такое могло бы принести хорошее Эхо, если бы вы перенесли его на холст и выставили в галерее.

Фил посмотрел на него спокойно, без вызова.

— Могло. Но тогда это было бы уже не наше. А мы рисуем не для Эха.

— А для чего?

— Чтобы стена не была пустой. — Фил пожал плечами. — Человек идёт домой после тяжёлого дня, останавливается, читает. Что-то внутри сдвигается. Это и есть отклик. Просто без браслета и без счёта.

Данте молчал, глядя на корни левого дерева.

— Вы против Системы? — спросил он наконец.

Фил усмехнулся уголком рта.

— Мы не против. Мы просто не хотим, чтобы вся жизнь стала Системой. Эхо вернуло людям чувства — это правда. Мы это признаём. Но когда за каждую искреннюю эмоцию нужно платить или получать оплату... когда даже молчание начинает выглядеть подозрительно... тогда что-то умирает. Тихо. По чуть-чуть.

Он провёл пальцем по нижней линии корней.

— Мы не агитируем. Мы просто не носим браслеты. И иногда молчим, когда от нас ждут красивых слов. И рисуем на стенах. Потому что стена не требует резонанса.

— Вы не участвуете в обмене Эха.

— Почему же? Иногда участвуем. Закон не запрещает. Но стараемся — как можно меньше. — Фил поднял руку с пятнами краски. — Вот этим я сегодня заплатил бы охотнее, чем историей о том, что у меня болит душа.

— Но Эхо — это не просто валюта, — возразил Данте. — Это отклик. Живой отклик на живое.

— Да, — спокойно согласился Фил. — И именно поэтому нам не нравится, когда его превращают в обязательный язык души.

Данте нахмурился.

— Сорок лет это работает.

— Работает, — не стал спорить Фил. — Но Система слишком глубоко вошла в то место, где человек должен оставаться без счётчика. Если я скажу соседу «доброе утро» — это просто слова. Если я скажу то же самое нежно, и его браслет мигнёт зелёным — это уже транзакция. Система научила людей ждать подтверждения даже от нежности.

Данте хотел возразить, но не сразу нашёл слова.

Не потому, что Фил был прав. А потому что в его голосе не было злости, не было желания одержать верх. Только тихая уверенность человека, который давно всё это прожил для себя.

Где-то в глубине квартала хлопнула дверь подъезда. На спортивной площадке с металлическим звоном качнулись турники. Газовый фонарь над ними тихо зашипел, будто соглашаясь сам с собой.

— Скажи мне честно, поэт, — вдруг сказал Фил, нарушив затянувшееся молчание. — Скажи честно: ты сам когда-нибудь писал что-то, что не захотел бы продавать?

Вопрос прозвучал так просто, что ответить на него сразу оказалось невозможно. Будто Фил случайно коснулся того места, которого Данте и сам боялся касаться уже три года.

Данте посмотрел на дерево, растущее внутрь. Потом — на дерево, рвущееся вверх.

— Не знаю, — сказал он наконец.

Фил кивнул, словно услышал именно то, что ожидал.

— Когда узнаешь, приходи. Женя обрадуется. Она любит людей, которые стоят между двумя стенами и не понимают, куда им смотреть.

— А Андрей?

— Андрей решит, что ты всё равно выберешь не то дерево, — Фил усмехнулся. — У него талант к мрачным прогнозам.

Он двинулся было в переулочек, но остановился и обернулся.

— Звучи, поэт.

— Звучи, Фил, — по привычке ответил Данте.

Фил прищурился.

— Или молчи честно. Второе обычно труднее.

Мужчина кивнул, развернулся и пошёл по переулочку — неторопливо, заложив руки в карманы.

Данте остался один. Между двумя деревьями. Между двумя взглядами на жизнь. Между двумя возможными правдами, ни одну из которых он не мог назвать своей.

Браслет на запястье дрогнул, выводя его из оцепенения.

Имя на дисплее: Виктор.

— Виктор? — ответил Данте.

— Завтра в восемь, — сказал Виктор без предисловий. — Новое дело.

— Ты такой романтичный... — уколол его Данте. — С Кларой ты такой же красноречивый, как и со мной?

— Романтичным я был полчаса назад, в ресторане. А сейчас я следователь.

— Булочки брать?

— Ты когда-нибудь приходил без?

— Кофе с лимоном?

— Ты издеваешься? Конечно, с лимоном!

— Будет исполнено, следователь Кафка!

— Не опаздывай!

Связь оборвалась.

Данте ещё несколько секунд смотрел на погасший экран, потом поднял глаза на стены.

МЫ РАСТЁМ ВНУТРЬ.

ЭХО НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ НИКОМУ.

И ощущение, что оба дерева всё ещё смотрят ему в спину, не отпускало его до самого дома.

Глава 4. Голос без имени

В здании Антиплагиата стоял привычный шум. У стойки регистрации пожилой мужчина убеждал дежурного, что его песня о соседе — это «творческое осмысление образа», а вовсе не личное оскорбление.

Поднимаясь на третий этаж, Данте едва не столкнулся с Казимирой. Сегодня она выглядела ещё более порывистой, чем вчера: из кармана её форменной куртки торчала театральная программка, а в руках она несла потёртую, явно раритетную маску из папье-маше.

— О, Данте! — Казимира притормозила, окинув его взглядом. — Опять к нашему суровому Кафке? Осторожно, он сегодня с утра мрачнее тени отца Гамлета.

— Несу ему допинг от Марии, — Данте приподнял бумажный пакет, от которого шёл густой аромат корицы.

— Корица? Жестоко, — Казимира забавно сморщила нос. — Передай ему, что если он не выберется из своей бумажной скорлупы, я сама приду и затащу его на премьеру в «Тихую гавань». Нам там как раз нужен эксперт с непредвзятым взглядом. Звучи чисто, Данте!

— Искусство вечно, Казимира, — ответил Данте вслед уже скрывшейся за поворотом девушке.

Поэт вошёл в кабинет Виктора и торжественно поставил перед другом на стол стаканчик кофе и бумажный пакет, от которого тянулся аромат свежей сдобы.

— Мария просила передать, что если ты опять будешь работать до ночи, она начнёт класть в твои булочки снотворное, — сказал он, ставя всё на стол Виктора. — И ты должен мне пять единиц Эха. Свои стихи не предлагать.

— Передай ей, что я буду работать до ночи именно потому, что её булочки не дают мне заснуть.

— Это комплимент или жалоба?

— В нашей профессии разница невелика... Что ты сказал про мои стихи? — Виктор подозрительно уставился на друга.

— Что им пора перестать пропускать занятия в детском саду, — Данте сел в кресло напротив и невинно посмотрел на следователя. — Ты свои строфы поправил?

— Некогда, — буркнул Виктор.

Тут Данте обратил внимание на серую папку с красной полосой на столе Виктора.

— Красивая, — кивнул он на папку.

— Опасная, — поправил Виктор.

— Как я понимаю, она и есть — наше новое дело?

— Сначала формальности!

Виктор достал из ящика бланк.

— Допуск категории два-А. Ограниченный. Тексты, резонансные сводки, фрагменты аудио. Без самостоятельных запросов через ФАКТУРУ, без закрытых источников, без права копирования. Обязательство о неразглашении — бессрочное. Санкции — статья седьмая. И глубокая гармонизация в случае нарушения.

Данте перестал жевать булочку.

— Гармонизация?

— Стандарт для грифа «Альфа», — пожал плечами Виктор

Данте посмотрел на бланк. Потом опять на Виктора.

— Ты уже подписал свой?

— Вчера, — кивнул следователь, — Категория три-А. Лично у Стекловой. В полном режиме «Тишина».

— Три-А... — Данте присвистнул. — Что же это за дело, если Стеклова лично включает «Тихину» и раздаёт допуски уровня Старших кураторов?

— Подпиши — и узнаешь.

Данте отложил булочку и взял ручку. Вслух прочитал текст — медленно, как читал чужие стихи — вслушиваясь в каждое слово. Потом расписался.

Виктор протянул ему планшет. Данте приложил палец к световому полю. Укол биомаркера — короткий, холодный.

— Я, Данте Лорка, принимаю допуск категории два-А по делу с грифом «Альфа». Последствия понимаю. Согласие даю добровольно.

Планшет мигнул зелёным.

— Добро пожаловать в дело, поэт, — без улыбки сказал Виктор.

— Звучит как приговор, — поёжился Данте.

— Пока — как приглашение.

Виктор выключил ИИ-помощника и перевёл свой служебный браслет в автономный режим — без записи и передачи, знаком попросив Данте сделать то же самое со своим. Когда кабинет погрузился в полную цифровую слепоту, следовательно приступил к погружению Данте в суть их нового дела.

Он говорил минут пять. Излагал факты, не выдвигая пока никаких предположений. Позволял напарнику принять информацию такой, какая она есть, и дать ей собственную оценку. Данте слушал его молча, внимательно, не перебивая.

— Понял, — сказал он, когда Виктор закончил. — Тексты посмотрю потом. Мне сейчас больше интересна запись. Включай!

Колыбельная длилась сорок три секунды — столько удалось восстановить из записи, сделанной на площади Согласия.

Голос был женским. Негромким. Без единого украшения.

Данте закрыл глаза.

Он слушал не как зритель и не как критик. Он слушал так, как учил своих студентов: всем телом. Не анализируя структуры, не считая слогов — а пропуская звук через себя, как воду через ткань. Ища, что останется.

В итоге — осталось всё.

Когда запись оборвалась, Данте несколько секунд сидел неподвижно. Потом открыл глаза. Они были влажными.

— Ну? — спросил Виктор.

Данте ответил не сразу. Он потянулся к стаканчику с кофе, сделал глоток, поставил обратно. Руки чуть дрожали.

— Она не выступает, — сказал он наконец.

— Не выступает? — удивился Виктор. — А что она делает, по-твоему?

— Вспоминает, — Данте помолчал, подбирая слова. — Это не исполнение и не сочинение. Это воспоминание, которое стало звуком. Как будто она не придумала эту колыбельную, а нашла её внутри себя. Или получила от кого-то. Давно. В детстве. И теперь возвращает.

— Кому возвращает? — не понял Виктор.

— Всем. Никому. Может быть, себе, — пожал плечами Данте. — Я не знаю... Но в этом голосе нет ни одного известного мне приёма. Ни одного. Ты понимаешь, что это значит?

— Пока нет, — нахмурился Виктор. — Объясни.

— Любой человек, который прошёл хотя бы начальный курс резонансного обмена, оставляет след. Микропаузы перед ключевыми словами. Лёгкое повышение тона в эмоциональных пиках. Ритмические якоря для биосенсоров. Мы все этому учимся — осознанно или нет. Это как акцент: даже если ты говоришь на чистом языке, опытное ухо услышит, откуда ты родом.

— И?

— У неё нет этого акцента. Вообще! Как будто её никто никогда не учил. Или как будто она училась у кого-то, кто жил до того, как эти приёмы были придуманы.

Виктор медленно откинулся на спинку кресла.

— ФАКТУРА даёт семьдесят шесть процентов структурного совпадения с базами особого хране... — он осёкся, понимая, что чуть было не перешёл черту, обозначенную уровнем его допуска.

Данте поставил стаканчик.

— Совпадения с?.. С чем? Базами особого хранения?

Виктор молчал, округлив глаза и слегка двигая одной бровью.

Данте некоторое время смотрел на гримасы друга, а потом расхохотался.

— Когда тебя уволят из Антиплагиата, ты с большим успехом сможешь зарабатывать единицы Эха, выступая в качестве мима!

— Почему?

— Видел бы ты себя сейчас! Ладно, понятно. Так что это за «базы особого хранения»?

Виктор посмотрел на него, потом на дверь, потухший индикатор связи, серую папку. Вздыхнул и ничего не ответил.

— Я понял, — улыбнулся Данте. — Мне дают допуск к секретному делу уровня «Альфа», а потом я слышу колыбельную, подобно которой никогда не слышал. Я не идиот, Виктор, я могу сложить два и два. Я, конечно, не знаток пререволюционной и новейшей истории искусств, но здесь всё очевидно! Эта колыбельная отсутствует во всех базах, включая Базу Шедевров! Я знаю, что туда у тебя был бы открытый доступ, и ты бы мне просто сказал. А это значит, — Данте победно поднял указательный палец вверх, — что у нас есть ещё какой-то архив! Тот, о котором обычным следователям не рассказывают. А, значит, семьдесят шесть процентов — это совпадение именно с базами этого таинственного архива...

— Официально я не могу рассказывать детали, — вздохнул Виктор. — Мой допуск выше твоего, и часть информации закрыта даже от тебя.

Данте кивнул.

— Согласен. Но ты же мне ничего и не рассказывал. Я до всего додумался сам. Так что давай, выкладывай!

— Ты прав, — чуть подумав, принял аргументы поэта Виктор. — В конце концов, иначе ты просто не сможешь работать как эксперт. В общем, если кратко: помимо Базы Шедевров существует ещё и Архив. Всё то, что было создано людьми до Революции, но не вошло в Базу по разным причинам. У этого Архива есть открытые секторы, к которым ФАКТУРА обращается при расширенном анализе. И есть закрытые — те, доступ к которым есть только у нескольких человек. Несколько Мастеров Высокого Жюри. И Стеклова. Всё.

— И ФАКТУРА... туда тоже может смотреть? — уточнил Данте.

— Формально — да. Но только верхний слой. Метаданные, структурные шаблоны. Сами тексты и записи — только для живых людей с особыми допусками. — Виктор помолчал. — Так вот. ФАКТУРА сообщает: семьдесят шесть процентов структурного совпадения с одним из закрытых сегментов этого Архива.

— Семьдесят шесть... — повторил Данте. — Виктор, это не стилизация. Это либо прямая цитата, либо... наследование.

— Наследование?

— Кто-то передал ей эту мелодию. Голосом. Точно — не записью и не нотами. От голоса к голосу. По крайней мере, я так слышу.

— Или она нашла физический носитель, — возразил Виктор. — Рукопись. Старую запись.

— Возможно. Но интонацию... — Данте покачал головой. — Интонацию нельзя снять с листа, Виктор. Её можно только услышать от живого человека.

— Но тогда получается, что замешан кто-то из Высокого Жюри, — вздохнул Виктор. — Не будем делать таких выводов раньше времени. Наша задача — найти её, а не копать в источниках. Со всем остальным пусть разбирается Стеклова.

Они некоторое время молчали.

— Кто она? — спросил Данте. — Есть хоть что-то?

— Неизвестно. Имя, адрес, профиль — ничего. Четыре эпизода за несколько месяцев. Три текста, одна колыбельная. Ни одной Эхо-транзакции. Появляется, поёт, читает — и исчезает.

— Как призрак, — тихо сказал Данте.

— Призрак, который за одиннадцать минут заставляет плакать семнадцать тысяч человек, — мрачно добавил Виктор.

Данте взял булочку, откусил — и не почувствовал вкуса.

— С чего начнём?

Первые дни они работали без остановки.

Виктор строил хронологию: даты, места, число слушателей, радиусы распространения, записи городских камер.

Данте сравнивал тексты четырёх эпизодов — три стихотворения и колыбельную. Искал повторяющиеся образы, ритмические рисунки, дыхательные паузы — всё, что выдаёт почерк автора или, наоборот, тщательно его скрывает.

Глеб Кандинский присылал им срезы — «слепые», без контекста. Глеб был единственным техником, официально подключённым к делу. Молодой, худой, с вечно растрёпанными волосами и очками, которые ползли на кончик носа каждые тридцать секунд. Он разговаривал с ФАКТУРОЙ вслух, называл её «милая» и утверждал, что после этого она работает на четырнадцать процентов быстрее. Никто не проверял, но и не спорил.

Он был умён — по-настоящему. Видел паттерны там, где другие видели шум. И при этом обладал редким инстинктом самосохранения: точно знал, до какой черты можно дотянуться, не задевая допусков.

К вечеру первого дня Данте сделал первое наблюдение.

— Она не петляет случайно, — сказал он, указывая на карту. — Смотри: больничный двор, приют, социальный центр в окраинном секторе. Она идёт туда, где люди устали. Где ждут. Где не до рейтингов и не до Эхо-счетов.

— Или туда, где камеры работают хуже всего, — добавил Виктор.

— Или и то и другое. Но я не думаю, что это совпадение. Она выбирает аудиторию.

— Не аудиторию. Место.

— Это одно и то же, Виктор. Место определяет, кто тебя услышит...

Утром второго дня Виктор и Данте спустились на минус первый этаж — в техническое крыло Антиплагиата. Глеб обитал в маленьком кабинете, где стен было почти не видно за экранами, проводами и приклеенными скотчем стикерами с пометками.

— О, гости из мира больших дел! — он развернулся в кресле и тут же поднял руки, словно сдаваясь. — Заранее предупреждаю: я ничего не знаю. Я не хочу ничего знать. У меня технический допуск, и я планирую дожить до пенсии с целым эмоциональным профилем.

— Глеб, мы за срезами, — сказал Виктор.

— Я понял, что вы не за чаем. Чая у меня нет. У меня есть пересечения, маршруты и тяжёлое чувство экзистенциальной тревоги. Что вам выдать?

Данте улыбнулся. Ему нравился этот человек — он напоминал ему лучших студентов, тех, кто прячет интеллект за самоиронией.

— Геопозиции по последним четырём эпизодам, — сказал Виктор. — С привязкой к биосенсорной плотности.

— Сделаю. Только давайте договоримся: если меня будут пытаться, я вас сдам сразу. Без героизма. Я слишком люблю свои воскресенья.

— Записано, — кивнул Виктор.

— И ещё, — Глеб понизил голос и наклонился ближе. — Я, конечно, ничего не знаю и знать не хочу. Но если вдруг гипотетически кому-то понадобится сравнить аномальные эпизоды с... скажем, со сводками Эхо-инспекции в тех же районах за тот же период... то я просто оставлю это на отдельном экране. Случайно. У меня вообще всё случайно. Я просто очень неаккуратный сотрудник.

Виктор посмотрел на него внимательно.

— Глеб.

— Да?

— Спасибо.

— Не благодарите. Я этого не делал...

Уже к вечеру Глеб снабдил их дополнительными данными — «случайно» оставленными на экране.

И они увидели картину целиком.

Эпизод первый. Подвал бывшего Дома быта в Е-9. За неделю до её появления — в этом районе закрылся центр поддержки пожилых людей. Тридцать два человека остались без социального куратора. Эхо-индекс района упал на одиннадцать пунктов.

Эпизод второй. Двор у больницы в секторе Ж-12. За три дня до неё — там умер ребёнок. Девочка восьми лет. Острая лейкемия. Родители — простые рабочие, без художественного профиля. Похороны оплачивал муниципалитет.

Эпизод третий. Социальный центр в окраинном секторе. За день до неё — массовый отказ в продлении льгот для одиноких матерей. Сто двенадцать заявлений отклонено.

Эпизод четвёртый. Площадь Согласия. В тот же день, когда она пела — в Эхо-инспекции пятого округа провели плановую переоценку. Сто сорок восемь человек переведены с базового тарифа на сниженный.

— Она точно не выбирает места, — тихо сказал Данте. — Она выбирает людей. Тех, кому больно. Тех, кого только что обидела Система.

— Утешитель, — пробормотал Виктор. — Она ходит туда, где плачут.

Вечером каждого дня Виктор поднимался на четвёртый этаж и отчитывался Стекловой в режиме «Тишина».

Первый день — коротко: «Зацепок пока нет. Только маршруты и предположения».

Второй день — уже подробнее: «Сужаем район. Зона Гармонии №7, промышленный сектор»...

Стеклова слушала молча. Утром третьего дня, когда Виктор сказал, что они идут в Зону Гармонии вдвоём с Данте, без инспекторов, она долго смотрела на него.

— Это ваше решение, Кафка. Но напоминаю: сегодня — третий день. Завтра утром срок истекает. У меня нет права просить у Жюри о продлении. Они начнут действовать сами. И тогда это будет уже не расследование, Кафка. Это будет акция.

— Понимаю.

— Сомневаюсь... — жёстко ответила куратор. — Но время у вас ещё есть. Используйте его!

Виктор вышел из кабинета Стекловой с тяжело колотящимся сердцем. Напряжение последних дней сказывалось всё сильнее.

Спускаясь по лестнице на свой этаж, он встретил Казимиру. Та несла стопку свежих театральных афиш, прижав их к груди.

— Кафка, ты выглядишь так, будто тебя пропустили через центрифугу, — заметила она, притормозив и окинув его цепким взглядом. — Вы там с Лоркой что, маньяка-плагиатора ловите? Третий день из кабинета не вылезаете.

— Вроде того, — коротко отозвался Виктор, стараясь быстрее обойти её. Ему сейчас меньше всего хотелось пускаться в светские беседы. — Работы много.

— Ладно-ладно, секреты конторы, — хмыкнула Казимира, ничуть не обидевшись. — Передавай привет Данте. Скажи, пусть не забывает старых друзей, когда закончите спасать мир.

— Обязательно передам, — кивнул Виктор и поспешил к выходу.

Зона Гармонии №7 оказалась не такой, как Данте себе представлял.

Он ожидал увидеть что-то демонстративное — коммуны за забором, палаточный лагерь, гетто с лозунгами. Только тише: меньше экранов, меньше рекламных строк, меньше автоматических приветствий. Больше лавочек, занавесок в окнах и людей, которые разговаривали, не глядя на браслеты.

Некоторые носили биосенсоры, некоторые — нет. Никто не прятался. Просто жили.

Виктор заметил первым: в Зоне не было ни одного городского экрана. Ни одного баннера к Юбилею. Ни одного портрета Рембо.

Это не было запрещено. Это было выбрано.

У входа в общинный центр их встретила пожилая женщина с короткими серебристыми волосами.

— Меня зовут Лидия, — представилась она. — Дежурная по городским вопросам общины. Если вы за пожарной инспекцией — выход там. Если вы за нашими чувствами — мы их не продаём.

Виктор показал свой жетон.

— Следователь Кафка. Антиплагиат. А это — эксперт Лорка. Мы ищем женщину. Примерно двадцать пять — тридцать лет. Тёмные волосы. Читает стихи и поёт в разных районах города. Не берёт Эхо. Возможно, бывает в вашем квартале.

Лидия посмотрела на него без враждебности. Но и без желания помогать.

— У нас бывают многие, мы открытая община. Не секта и не крепость.

— Мы не собираемся задерживать её. Нам нужно только поговорить.

— Все так говорят. А делают потом иначе.

Данте решил вмешаться:

— Лидия, мы слышали её голос. Запись. И пришли не для того, чтобы наказать. Мы хотим понять.

Женщина задумчиво посмотрела на него. Кивнула.

— «Понять» — хорошее слово. Редкое в вашей службе, — она помолчала. — Мы не знаем имён тех, кто не хочет их называть. А сами не спрашиваем. Некоторые приходят, сидят у фонтана, покупают хлеб у Иосифа. Потом уходят.

— А если кто-то из них поёт?

— Здесь многие поют, мастер Лорка. Для себя, для других, но не для браслетов, — она чуть наклонила голову. — Разве это тоже запрещено?

— Нет. Не запрещено. — осторожно сказал Данте.

— Вот и хорошо. Походите, поспрашивайте. У нас свободная община. Разговаривать с вами у нас тоже не запрещено.

Они побродили по Зоне ещё около часа.

Данте разговаривал с людьми — осторожно, не как следователь, а как человек, которому интересно. Но никаких зацепок не нашли. Старик у фонтана рассказал, что здесь живут около трёхсот человек, но точного числа никто не ведёт. Что обеспечивают они себя трудом — чинят, пекут, строят, учат детей. Что Эхо-обмен у них возможен, но большинство им не пользуется.

— Почему? — спросил Данте.

Старик пожал плечами.

— Мне семьдесят четыре года, сынок. И когда я говорю правнуку «я тебя люблю», это должны быть просто слова любящего прадеда, а не сигнал о платеже...

Данте молчал. Он вспомнил Филя — его спокойный голос, руки в пятнах краски, два дерева на стенах. И подумал: может быть, они не такие уж и «молчащие». Может быть, они просто говорят на другом языке.

За Зоной начинался промышленный сектор. Потрескавшийся асфальт, стены с пятнами сырости, бывшие склады и мастерские. Здесь жили те, кому не хватало даже общины: одиночки, «мягко скорректированные», временные рабочие без устойчивого профиля. Кто-то перебивался случайными подработками, кто-то — базовым пакетом. И почти все выглядели так, будто давно перестали ждать от жизни сюрпризов.

У колонки женщина в платке вспомнила темноволосую: «читала детям». У сапожника в мастерской — тоже: «сидела у стены, будто слушала город». Имени не знал никто. Виктор даже засомневался, говорят ли они правду, или просто придумывают...

Когда они уже покидали район, к ним подошёл продавец хлеба из общины, сухой старик по имени Иосиф.

— Девушка с серым рюкзаком. Всегда берёт только вчерашний хлеб. Он дешевле. Платит не Эхом, а работой — помогает мне разгружать ящики по утрам, — он не смотрел Виктору в глаза. — Но я вам этого не говорил.

— Почему говорите?

— Потому что она попросила. Сказала, что вы придёте, — Иосиф достал из кармана фартука сложенный вчетверо листок бумаги. Пожелтевший, затёртый по краям. — Вот, просила передать. Когда найдёте её хлеб — найдёте и записку. Но я не хочу, чтобы вы ещё раз приходили. Здесь люди нервничают от ваших жетонов.

Виктор взял листок.

— Когда она это оставила?

— В тот день, когда пела на площади.

И Иосиф вернулся к своей лавке, будто разговора не было.

Следователь развернул бумагу.

На ней — ровным, красивым почерком, без единой помарки — было написано:

«Вы слышали голос. Теперь послушайте тишину.

Спросите ФАКТУРУ, кто написал «Песню Пробуждения».

Не тот ответ, который она даёт.

А тот, что она не может дать».

Данте читал через плечо Виктора. Они стояли посреди пустой улицы, между старыми складами, и ветер трепал края листка.

Несколько секунд никто не говорил.

— «Песня Пробуждения», — первым нарушил тишину Данте. — Песня, с которой началась Революция.

— Она предлагает нам проверить авторство Рембо? — прошептал Виктор.

Это было почти как произнести вслух сомнение в восходе солнца.

Данте не ответил. Он смотрел на почерк. На бумагу. На ровные, уверенные буквы — не торопливые, не нервные. Буквы человека, который давно знал, что напишет, и терпеливо ждал, когда написанное прочтут.

— Виктор, — тихо сказал Данте. — Эта бумага старше её.

— Я заметил.

— А этот почерк... — Данте провёл пальцем по строке, не касаясь бумаги. — Этот почерк принадлежит тому, кто давно перестал бояться.

Ветер дунул из переулка. Листок в руках Виктора вздрогнул.

— Она знала, что мы придём, — сказал Данте. — Сначала — туда, где боль. Потом — туда, где она оставила след. Эти четыре эпизода — они не только для тех людей, которых она утешала. Это для нас.

Виктор медленно сложил листок и спрятал его во внутренний карман кителя.

— Она специально привлекала внимание Антиплагиата? — спросил Виктор.

— Скорее всего, — кивнул Данте.

— Зачем?

Данте посмотрел на старые склады, где вели серую и однообразную жизнь получатели стандартных соцпакетов, на Зону Гармонии, которая тихо жила своей жизнью за их спинами. На город, который вокруг них спокойно продолжал дышать осенней прохладой.

— Не знаю. Но человек, который провоцирует Антиплагиат на то, чтобы тот его искал, — это либо человек, которому уже нечего терять, либо...

— Либо?

— Либо она знает что-то такое, ради чего готова рискнуть.

Они пошли к остановке транспорта. Молча.

Каждый думал о своём.

Данте думал о голосе без имени — и о том, что впервые за три года услышал в чужой колыбельной что-то, чего не мог описать словами.

Виктор думал о последней фразе Стекловой: «Не позволяйте красивому голосу посеять в вас сомнения».

Сомнения уже были посеяны.

Вопрос был лишь в том, что из них вырастет.

Интерлюдия 2

Из Кодекса Эры Резонанса. Раздел IV. «О долге служащих Антиплагиата». Статьи 41–44.

(Извлечение, рекомендованное для ежегодного ознакомления под подпись.)

Статья 41. Следователь Антиплагиата есть хранитель подлинности. Его долг — не творить, но защищать сотворённое; не чувствовать за других, но удостоверить искренность чувств.

Статья 42. Следователь обязан неукоснительно следовать установленным протоколам. Протокол есть не ограничение, но опора. Там, где следователь отступает от протокола ради личного суждения, он подменяет защиту подлинности — собственным произволом, сколь бы благими ни были его побуждения.

Статья 43. Сомнение — естественное состояние мыслящего человека, но опасное состояние служащего. Следователь, испытывающий сомнение в основаниях Системы, обязан доложить о нём вышестоящему куратору. Невысказанное сомнение разрастается. Высказанное — рассеивается или подтверждается в установленном порядке.

Статья 44. Всякое отклонение — в произведении, в обмене, в поведении гражданина — подлежит фиксации. Малое отклонение, оставленное без внимания, есть начало большого. Снисходительность следователя к малому есть измена его долгу.

Примечание для слушателей курса «Этика Резонанса»: помните, что Система не требует от вас жестокости.

Система требует от вас последовательности.

Жестокость — это сбой.

Последовательность — это милосердие, растянутое во времени.

Глава 5. Запрос

Они не стали ждать утра.

После Зоны Гармонии город казался слишком освещённым. Слишком чистым. Слишком уверенным в себе. Бесплатный транспорт мягко скользил по выделенной линии, рекламные строки на остановках поздравляли граждан с приближающимся сорокалетием Революции, а на экранах молодой Вольфганг Рембо всё так же смотрел куда-то чуть выше голов прохожих.

Виктор и Данте стояли у остановки молча. Каждый — в своих мыслях.

Записка лежала во внутреннем кармане кителя Виктора. Лёгкая, почти невесомая, она жгла так, будто он спрятал под формой не листок, а горячий уголь.

— Ты тоже заметил? — спросил Данте, не поворачивая головы.

— Мужчину в сером плаще у газетного киоска? — также тихо, словно говоря сам с собой, произнёс Виктор. — Конечно. Он же встретился нам, когда мы приехали к Зоне.

— Он не покупал газет. Ни тогда, ни сейчас.

— И не ждал транспорта, — добавил Виктор.

Данте посмотрел на него.

— Мы параноики?

— Пока нет. Но вечер длинный.

Транспорт подошёл почти бесшумно. Они вошли в полупустой салон и сели в середине. На следующей остановке зашёл человек в сером плаще. Другой. Но слишком похожий на того самого. Он не посмотрел на них. Прошёл дальше, к двери, и всю дорогу стоял, держась за поручень, хотя рядом были свободные места.

Данте сделал вид, что смотрит в окно.

Серый плащ. Без знаков. Без формы.

Что-то холодное и тяжёлое шевельнулось в груди Данте. Три года назад, в первые дни после смерти Инес, к нему тоже приходили двое в таких плащах. Он тогда думал, что это следователи. Они осмотрели дом, её вещи, забрали несколько её тетрадей. «Для экспертизы», — сказали они. Тетради не вернули. Данте тогда не придумал этому значения: он был раздавлен горем и не различал лиц.

Сейчас, глядя на спину человека у поручня, он вдруг подумал: а были ли они вообще из полиции?

— Странно... — Виктор удивлённо смотрел на свой браслет.

— Что? — тихо спросил Данте.

— Служебная проверка канала.

— А почему странно? — не понял Данте.

— Потому что сегодня — не день проверки, — нахмурился Виктор. — И их было три только за последние два часа...

Они вышли за квартал до Антиплагиата и пошли пешком. Человек в сером плаще остался в транспорте и поехал дальше.

У входа в здание Антиплагиата вечерний свет отражался в стеклянных дверях. Виктор на секунду задержался и увидел в отражении неясную фигуру у противоположной стороны бульвара. Без деталей. Просто человек, который стоял слишком неподвижно для прохожего.

Кафка ничего не сказал Данте. Он понимал, что друг наверняка тоже это заметил.

Они прошли идентификацию и поднялись на третий этаж.

Виктор открыл кабинет, включил свет и только после этого достал записку. Положил её на стол между ними.

Бумага была спокойной. Старой. Неприлично спокойной для того, что на ней было написано.

Данте сел напротив, не снимая куртки.

— Утром у тебя отчёт Стекловой, — напомнил он другу.

— Да.

— Если мы сейчас ничего не сделаем, утром ты отдашь ей записку.

— Я ещё не решил.

— Решил. Просто не хочешь произносить вслух.

Виктор снял китель, повесил на спинку стула.

— Данте, это не улика. Это провокация. Старая бумага. Утверждение, которое бьёт в основание Эры Резонанса. Формально я обязан передать это Стекловой немедленно!

— Формально.

— Не начинай, — нервно скривился Виктор.

— Я не начинаю. Просто повторяю твоё слово.

Виктор сел. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Если я отдам ей записку, — сказал он наконец, — дело уйдёт выше.

— Да, — спокойно кивнул Данте.

— Если я не отдам — я нарушу порядок доклада.

— Да, — тот же спокойный тон поэта.

— Ты удивительно бесполезен в моральных вопросах!

— Я поэт. Мы обычно усугубляем.

Виктор почти улыбнулся, но не смог.

— Нам нужен ответ. Хотя бы один. Что она хотела, чтобы мы спросили? ФАКТУРУ.

— Это предельно ясно следует из записки.

— Значит — спрашиваем?

— Или ты просто несёшь записку своему Старшему куратору, — невозмутимо ответил Данте.

— Прямой запрос по «Песне Пробуждения» невозможно скрыть, — растерянно заметил

Виктор.

— Тогда спрашиваем не прямо, — пожал плечами Данте.

— Нам нужен Глеб! — Решительно заявил Виктор.

— Бедный Глеб...

— Он сам хотел случайно оставлять данные на экране.

— Думаю, он уже жалеет, — улыбнулся Данте

— Пойдём узнаем! Может быть, он уже давно дома и спит...

Глеб Кандинский не спал.

В техническом крыле на минус первом этаже свет горел только в его кабинете. Сквозь стеклянную перегородку было видно, как он сидит перед четырьмя экранами, держа в одной руке кружку, а другой рукой раздражённо настукивая по клавишам на клавиатуре. При этом «вёл диалог» с ФАКТУРОЙ.

— Нет, милая, если ты называешь это «незначительным расхождением», я называю это «почему у меня завтра не будет работы». Давай ещё раз. Медленно. С уважением к моей нервной системе. Вот так!

Он обернулся, увидел Виктора и Данте — и лицо его мгновенно стало страдальческим.

— Ой, нет... Только не это!

— Мы ещё ничего не сказали, — заметил Данте.

— Вы пришли после рабочего времени, вдвоём, с лицами людей, которые нашли старую мину и решили проверить, взорвётся ли она от любопытства, — лицо Глеба внезапно просветлело. — А, может быть, я просто сплю, и вы мой кошмар?

— Глеб! — Виктор закрыл дверь и просительно уставился на техника.

— Не снитесь... — вздохнул техник. — В таком случае: нет! Я официально нет. Я технически нет. Я философски нет. Я хочу домой, грибной суп и отсутствие глубоких смыслов.

— Нам нужен только один запрос!

— Всё всегда начинается с одного запроса. Потом выясняется, что запрос касается чего-то такого, после чего Глеб благополучно идёт работать протиральщиком уличных фонарей...

Виктор положил на стол лист бумаги, но текстом вниз.

Глеб отъехал на кресле на полметра.

— Я не видел. Я не читаю. Я не участвую в бумаге, которая лежит текстом вниз с таким выражением, будто на ней написано моё будущее в прошедшем времени.

— Нам не нужно, чтобы ты читал, — сказал Виктор. — Нам нужно, чтобы ты помог сформулировать запрос к ФАКТУРЕ.

— Про что?

Виктор молчал. Данте тоже.

Глеб снял очки, протёр их краем свитера и устало сказал:

— Пожалуйста, только не говорите мне, что это про «Песню Пробуждения».

Виктор медленно повернулся к Данте.

— Я же говорил, он умный, — пожал тот плечами.

— Я не умный, — возразил Глеб. — Умные люди в таких ситуациях притворяются больными. Я просто неудачно наблюдательный.

— Как ты догадался? — Спросил Глеба следователь.

— Потому что 76% структурного совпадения этой вашей так называемой колыбельной — это совпадение с Эталоном системы Эха. А что у нас является Эталоном?

— Погоди, — напрягся Виктор. — Но ведь речь шла о закрытом секторе Архива? При чём тут Песня Пробуждения?

— Угу, — тоскливо кивнул техник. — Это-то и странно... Но последние три дня стоит только системе коснуться вашего дела, как она начинает втихую подгружать метаданные «Песни» и тут же их стирать.

Данте присвистнул. Теперь ему стала понятно, почему делу присвоили статус «Альфа». Судя по застывшему взгляду Виктора, тот тоже пришёл к подобным выводам.

— Так, и что же вы хотите спросить у ФАКТУРЫ? — Глеб вернул очки на нос и покоился на лежащую перед ним бумагу. — Спросить, кто написал песню? Так это все знают.

— Нет. Нам нужен её структурный слой, — сказал Виктор. — Тот, о котором ты только что говорил.

— Я вам ничего не говорил, — отчаянно замотал головой техник, — я устал и брежу, несу всякую чушь...

— Глеб! — оборвал его начавшееся нытьё Виктор. — Это можно сделать?

— То, что вы предлагаете хуже, чем прямой вопрос. Его можно хотя бы назвать идиотским. Структурный слой — это умная идиотия. Она опаснее.

Данте сел на край стола.

— Глеб, это же просто запрос.

— Все, кто лезет не туда, куда можно, начинают именно с этой фразы.

Техник развернулся к экранам. Его пальцы, несмотря на весь ужас в голосе, уже начали двигаться по сенсорной панели — быстро, уверенно, почти нежно.

— Прямой запрос невозможен. Он уйдёт в журнал Канон-0 и поднимет флаги до верхних уровней. Нужен слепок. Без названия. Без автора. Без явной ссылки на произведение.

— Но это можно сделать? — повторил свой вопрос Виктор.

— Можно всё... — устало выдохнул техник. — Вопрос: сколько минут после этого ты остаёшься свободным человеком.

Глеб открыл пустое рабочее окно и задумался.

— Сделаем так. Первый слой — учебный контур Академии. Будто кто-то сравнивает канонические произведения по формальным признакам для семинара. Второй — структурный отпечаток: ритм, тональная матрица, частотные переходы. Третий — разделение текста и музыки. Четвёртый — поиск первичной фиксации.

— Первичной фиксации? — уточнил Данте.

— Дата, когда система впервые увидела произведение или его часть. Если повезёт. Если не повезёт — дата, которую ей разрешили помнить.

Виктор напрягся, и Глеб это заметил.

— Что? Я же сказал «если». Я оптимист. Мрачный, но оптимист.

Он потянулся к кабелю у стены и выдернул его из порта. Один из экранов погас.

— Что ты делаешь? — спросил Виктор.

— Уменьшаю количество свидетелей. Это не «Тишина», не мечтайте. Просто часть моего хозяйства на пару минут станет глухой. Камер здесь нет — запрещено по протоколу. А вот какой-нибудь акустический дублёр наверняка вшит в обычный профиль. Потом я скажу, что менял кабель. Я постоянно меняю кабели. Все знают, что я неаккуратный человек.

— А если проверят?

— Тогда выяснится, что я действительно менял кабель. Лучшее прикрытие — правда, которая выглядит как бардак.

Он открыл на экране второе окно, третье, четвёртое. Побежали строки.

Зелёные, обычные, спокойные.

Сначала ФАКТУРА отвечала быстро. Слишком быстро, как опытный библиотекарь, который ещё до конца вопроса знает, на какую полку тянуться.

Канонический корпус: загружен.

Текстовый слой: доступен.

Музыкальный слой: доступен частично.

Регистрационный слой: доступен.

— Частично? — тихо спросил Данте.

— Не комментирую, — сказал Глеб. — Я вообще здесь декоративный.

Он запустил следующий фильтр.

Запрос: сравнительная эволюция канонических версий.

Статус: разрешён.

Приоритет: учебный.

— Пока идёт, — прошептал Глеб. — Пока она думает, что мы студенты с плохими намерениями и хорошей маскировкой.

— А потом?

— Потом она поймёт, что студенты не могут знать таких слов.

Виктор стоял за его спиной, скрестив руки. Данте — у соседнего экрана. В кабинете вдруг стало отчётливо слышно, как гудят серверы за стеной. Раньше этот звук казался обычным. Теперь — как дыхание большого спящего зверя.

На экране появился первый ответ.

Произведение: Песня Пробуждения.

Официальный автор: Вольфганг Рембо.

Статус: Канон-0.

Дата канонической фиксации: День Революции Чувств.

Глеб откинулся на спинку кресла.

— Вот. Это тот ответ, который она даёт.

— А нам нужен тот, который она не может дать, — тихо сказал Данте.

— Прекрасно. Я уже ненавижу записку, которую не видел.

Глеб открыл скрытую панель. Его пальцы замедлились. Он перестал шутить.

— Теперь разделяем слои.

На экране возникла схема: текст, музыка, метаданные, сигнатура резонанса. Линии рас-
ходились, как жилы под кожей.

Текстовый слой: анализ...

Музыкальная матрица: анализ...

Первичная фиксация: запрос...

Строка зависла. Одна секунда. Пять. Десять.

Глеб нахмурился.

— Она не должна думать так долго.

— Почему? — спросил Виктор.

— Потому что для неё это старая песня. Канон-0. Должна отвечать мгновенно.

Экран мигнул, и на долю секунды появилась строка:

Первичная фиксация: 732 дня до Революции Чувств.

Строка висела секунду — и исчезла.

На её месте появилось:

Первичная фиксация: День Революции Чувств.

Глеб не двигался.

— Ты видел? — спросил Данте.

— Нет, — сказал Глеб.

— Глеб.

— Я сказал «нет», потому что мне так спокойнее.

Виктор наклонился к экрану.

— Она исправила ответ.

— Или кто-то исправил ответ, — сказал Глеб уже без юмора.

Второй экран вспыхнул жёлтым.

Внешний контур наблюдения: подключён.

Источник: не определён.

Приоритет: выше служебного.

Глеб побледнел.

— Это плохо.

— Насколько?

— Если бы в пустыне начался дождь, я бы сказал: ковчег строить уже поздно.

— Кто это? — спросил Виктор, кивнув на экран.

— Не знаю. Не наш контур, не Антиплагиата. И не учебный. И не муниципальный. При-
оритет выше служебного. Я таких не должен видеть.

— Но видишь.

— Именно поэтому мне хуже.

Третий экран, который Глеб не трогал, вдруг открыл новое окно. Сам.

Все трое замолчали.

В окне появлялись строки — медленно, будто кто-то набирал их изнутри системы.

Текстовый слой: В. Рембо.

Первичная текстовая фиксация: день Революции Чувств.

Музыкальная основа: источник не установлен.

Статус музыкальной основы: закрыто.

Первичная фиксация музыкальной основы: 732 дня до Революции Чувств.

Уровень доступа: недоступен.

Глеб прошептал:

— Она не должна была это показать.

— ФАКТУРА? — спросил Данте.

— Или не ФАКТУРА.

Окно дрогнуло. Поверх данных появилась новая строка.

Запрос выходит за пределы допуска.

Сеанс будет завершён.

Глеб резко выпрямился.

— Нет-нет-нет, милая, мы так не договаривались.

Он начал что-то вводить. Быстро. Слишком быстро.

— Глеб, что ты делаешь? — спросил Виктор.

— Карьерную глупость. Запомните этот момент: именно сейчас я совершаю карьерную глупость.

Красная строка мигнула.

Сеанс будет завершён через 10 секунд.

— Глеб!

— Молчи, Виктор, я почти счастлив!

9.

8.

7.

Он выдернул второй кабель, одновременно нажал две клавиши и ударил ладонью по старому физическому выключателю под столом. Один из экранов погас. Второй замер. Третий продолжал показывать четыре строки.

Глеб схватил бумажный стикер и быстро переписал данные рукой.

— Что ты делаешь? — спросил Данте.

— Сохранять нельзя, фотографировать нельзя, распечатать нельзя. Бумажный стикер — наш маленький дореволюционный друг.

3.

2.

1.

Экран погас.

В кабинете стало темнее.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом на самом маленьком мониторе, том, который показывал состояние терминала, — появилась строка:

Запрос зарегистрирован.

Регистрация отложена.

Глеб медленно сел.

— Так не бывает, — ошарашенно прошептал он, не отводя взгляда от экрана.

— Что это значит? — спросил Виктор.

— Это значит, что нас увидели.

— И?

Глеб перевёл немигающий взгляд на следователя.

— И кто-то... пока не дал нас сдать.

На экране мигнула ещё одна строка. На этот раз без системного кода.

Не повторяйте.

Она висела на экране всего три секунды. Потом исчезла.

Глеб закрыл глаза.

— Я ухожу в монастырь. Есть у нас где-нибудь монастыри без ФАКТУРЫ?

— Нет, — сказал Данте.

— Тогда просто выключите меня...

Они вернулись в кабинет Виктора около половины третьего ночи. Здание Антиплагиата казалось вымершим — только тусклый свет в коридорах да низкий, теперь уже тревожный гул серверов ФАКТУРЫ на четвёртом этаже.

Город за окнами ещё спал, окутанный тем сизым, неуютным светом, который обнажает всё, что днём скрывает солнце. Внизу по бульвару прошёл первый уборочный робот, издавая ритмичное поскрипывание. Фонари ещё горели, но их желтизна уже казалась болезненной на фоне бледнеющего неба.

На столе лежали две бумаги. Два приговора их прежнему спокойствию.

Первая — записка неизвестной женщины. Вторая — бумажный стикер, на котором Глеб торопливым почерком зафиксировал невозможное:

«Песня Пробуждения».

Текстовый слой: В. Рембо.

Первичная текстовая фиксация: день Революции Чувств.

Музыкальная основа: источник не установлен.

Статус музыкальной основы: закрыто.

Первичная фиксация музыкальной основы: 732 дня до Революции Чувств.

Уровень доступа: недоступен.

Виктор сидел за столом, положив ладони по обе стороны от бумаг. Данте стоял у окна, прижавшись лбом к стеклу. Город за окном казался чужим.

— Семьсот тридцать два дня, — наконец произнёс Данте. — Два года до Революции. Музыка уже была написана. И она не принадлежит ему. У нашего мира фальшивый эталон.

— Мы не можем утверждать это наверняка, — голос Виктора звучал сипло. — «Источник не установлен» может означать технический сбой. Потерю данных при переносе из старых систем...

— Виктор, хватит, — Данте резко обернулся. — Мы оба видели, как ФАКТУРА забилась в судорогах. Она знает имя. Но...

Виктор медленно поднял руку и положил ладонь на стикер, словно боялся, что тот улетит.

— ФАКТУРА не должна была это показать, — тихо сказал он.

— Но и не могла это стереть, — ответил Данте. — База Шедевров создавалась уже после Революции. Когда строили Систему, одной из первых задач было собрать и каталогизировать всё дореволюционное искусство. Миллионы произведений. Музыка, стихи, картины, книги, фильмы, спектакли, танцы. Всё, что люди создали до того, как Рембо вышел на площадь.

— Я знаю. Это есть в учебниках.

— Да. Но в учебниках не написано вот что: кто-то из тех, кто занимался каталогизацией, нашёл эту мелодию. Нашёл — и узнал её. Узнал в ней основу «Песни Пробуждения». Мелодию, от которой плакали тысячи людей на площади. Мелодию, которая стала фундаментом всей Системы Эха.

Виктор провёл ладонью по лицу.

— Если это всё правда... то «Песня Пробуждения» — это...

— Плагиат, — тихо закончил Данте. — От неё плакали тысячи людей. Она стала фундаментом всей системы Эха. По ней меряют все произведения искусства. Все чувства... А она была чужой.

Виктор поднял взгляд.

— Мы не можем отдать это Стекловой.

— Нет, — согласился Данте

— Даже если она спросит напрямую.

— Верно.

— Но мы ещё не нашли связь Песни Пробуждения с колыбельной и этой женщиной...

Данте подошёл к столу и взял в руки записку.

— Она знала, какой ответ мы найдём. Она вела нас.

— Мы не знаем зачем.

— Знаем, — возразил другу Данте. — Она хочет, чтобы мы увидели то, что скрывают.

Виктор хотел что-то сказать, но в этот момент его браслет издал короткий сигнал. Один раз. Без сообщения. И в тот же миг за дверью кто-то сухо закашлялся.

Они оба замерли.

Виктор посмотрел на браслет. Потом на дверь.

— Выключи свет, — тихо сказал он.

Данте щёлкнул выключателем. Кабинет погрузился в темноту — только голубой огонёк спящего терминала мерцал в углу.

Виктор подошёл к двери и прислушался. В коридоре было тихо. Слишком тихо.

— Мы сворачиваемся, — сказал он. — Утром я должен быть у Стекловой. У нас есть три часа. Иди домой, Данте. Переоденься. Попробуй смыть с себя эту ночь.

— Что ты ей скажешь?

Виктор замер. Его лицо казалось высеченным из серого камня.

— Скажу, что мы просчитали её психотип. Что эта женщина — социальный «утешитель». Скажу, что её появления привязаны к зонам социальной боли — закрытым центрам, больницам. Это логично, куратор это примет.

— А про остальное?

— Про остальное я буду молчать.

Данте кивнул.

— До утра, — произнёс он.

— До утра, — повторил Виктор. — Если оно ещё будет спокойным.

Данте ушёл, и Виктор остался в кабинете ещё на несколько минут. Он подошёл к сейфу, открыл его, убрал туда оба клочка бумаги. Потом закрыл и долго стоял, глядя на металлическую дверь.

В коридоре за стеной слышались шаги. Кто-то опять прошёл мимо кабинета не останавливаясь. Но шаги были слишком ровными. Слишком спокойными.

Когда Виктор вышел из кабинета, в коридоре никого не было.

Глава 6. Непростые решения

Данте вернулся домой в четвёртом часу утра.

Квартира встретила его стерильной тишиной. Он не стал зажигать свет, а лишь скинул верхнюю одежду, разулся и напрямик прошёл в ванную. Встал под душ. Горячая вода обжигала плечи, но не помогла избавиться от озноба. В голове без конца прокручивались события последних часов.

Ответ ФАКТУРЫ. Записка на старой бумаге. И серые плащи.

Серые плащи...

Данте медленно поднялся. Ноги сами повели его по коридору, мимо спальни, к закрытой двери в самом конце. Это была комната Инес. Её маленький музыкальный мир.

Он не был здесь три года — с того самого дня, как её не стало. Он боялся, просто физически не мог заставить себя переступить этот порог. Ему казалось, что если он откроет дверь, то окончательно признает: музыка здесь больше не зазвучит.

Последними, кто заходил сюда, были те странные люди. Двое мужчин в серых плащах без опознавательных знаков. Они представились полицейскими. Но теперь Данте понимал, что это было не так. Детективы из «криминалки» всегда пахли табаком, дешёвым кофе и усталостью. А эти двое пахли озоном и холодом.

Данте повернул ручку. Дверь тихо скрипнула.

В комнате пахло пылью и старой древесиной. В тусклом свете уличного фонаря, пробивающемся сквозь щель в неплотно задёрнутых шторах, Данте увидел пюпитр, кресло и пустой скрипичный футляр, лежащий на низком столике. Скрипку украли в ту ночь, но этот дешёвый, потёртый футляр полиция нашла в мусорном баке неподалёку от места преступления и вернула ему.

Данте подошёл ближе и взял футляр в руки. Открыл. Внутри было пусто. Только слабый запах канифоли ещё держался. Поэт осторожно провёл рукой по бархатной обивке внутри футляра. Данте закрыл футляр и медленно опустился на пол, прислонившись спиной к стене. Закрыл глаза.

Мысли, которые он так старательно отгонял все эти годы, теперь сложились в чёткую, безжалостную картину. Обычные грабители не стали бы выкидывать футляр — в нём удобнее нести инструмент. И обычные детективы криминальной полиции не стали бы так целенаправленно изымать все нотные тетради, игнорируя другие вещи Инес.

Они искали не зацепку. Они искали её музыку. Нотные записи того самого произведения с «нестандартной сигнатурой», которое Инес передала в Совет кураторов. Точно так же, как сейчас параллельно с ним и Виктором искали незнакомку...

Что же на самом деле произошло с тобой, родная?..

— Вы выглядите уставшим, Данте, — внезапно раздался из угла мягкий, синтезированный голос Музы. — Ваш эмоциональный фон критически снижен. Рекомендую бодрящий тёплый чай, дыхательную практику и проекцию летнего леса. Включить?

Данте вздрогнул, вырванный из оцепенения.

— Отключись, Муза, — резко бросил он.

— Но протокол заботы предписывает...

— Полное отключение! Ручной режим! — рявкнул Данте.

Индикатор ИИ на стене обиженно мигнул красным и погас.

Данте вышел из комнаты Инес, осторожно, без скрипа закрыл за собой дверь и чуть задержал пальцы на дверной ручке.

Пройдя в спальню, он лёг в постель, уставившись в тёмный потолок. В темноте перед ним снова возникла записка на старой бумаге. И он понял: если они сейчас отступят, то так

и не узнают, была ли смерть Инес случайностью или... чем-то ещё. И он не сможет жить, не зная этого.

До утра он так и не заснул.

Виктор пришёл домой с тяжёлой головой и ещё более тяжёлым сердцем.

Его квартира, просторная и обставленная со строгим вкусом, казалась сейчас пустой и холодной. Клара ещё не переехала к нему — они оба ценили своё личное пространство, хотя Виктор всё чаще ловил себя на мысли, что хочет видеть её здесь каждое утро. Вот и сейчас ему её очень не хватало...

Он сел на кухне, даже не сняв форменного кителя. В голове билась одна назойливая, мучительная мысль: надо всё рассказать Стекловой.

Укрытие улик от Старшего куратора, самовольные запросы в закрытые архивы через техника — это уже не просто нарушение инструкций. Это преступление. Он следователь Антиплагиата. Вся его жизнь, вся его карьера была построена на верности Кодексу. Если эта незнакомка решила играть с ними в свою странную игру, где гарантии, что она делает это из лучших побуждений? Может быть, всё это — искусно сфабрикованная фальшивка? Провокация? И он сейчас играет на стороне противника? Но, с другой стороны, если это была провокация, зачем ей понадобилось петь в больничных дворах?

Внезапная мысль пронзила Виктора насквозь. А что, если это проверка? Проверка его и Данте на лояльность, устроенная самим Высоким Жюри?

Виктор застонал и потёр виски.

Он вспомнил отца. Отец был офицером муниципальной полиции, погибшим при задержании, когда Виктору было шестнадцать. После смерти матери отец заменил ему всех. Он был образцом кристальной честности и верности Системе, но при этом оставался тёплым, любящим человеком. Доброжелательным, без нервного надрыва, всегда верящим в то, что закон защищает людей. «Никогда не лги тем, кому служишь, сын, — любил повторять отец. — Ложь ржавеет и разъедает того, кто её носит».

Если он завтра солжёт Стекловой, он предаст память отца. Что будет с ним и Данте, если они ошиблись и попались на крючок? Это не просто конец карьеры... А что будет с Klarой, если её возлюбленного объявят изменником Системы?

А если он скажет правду... возможно, всё ещё можно будет свести к выговору, проверке, служебному взысканию. Он сам не верил в эту мысль до конца — и именно поэтому так упорно держался за неё.

Его размышления прервал мягкий сигнал домашнего коммуникатора. Звонила Клара. Виктор бросил взгляд на браслет и мысленно выругался: он забыл вывести его из автономного режима ещё после посещения Зоны Гармонии.

— Виктор? — её голос звучал чуть взволнованно, но тепло. — Наконец-то. Ты где пропал? Я заходила к тебе вечером после репетиции, но тебя не было. И браслет был вне зоны доступа.

— Прости, Клара, — Виктор постарался придать голосу бодрость. — Работа. Затянулось совещание, пришлось спуститься в архивы... там глушилки.

— Что-то случилось?

— Просто работа.

Пауза.

— Ты не обязан мне рассказывать. Но если тебе нужно, чтобы кто-то просто молчал рядом — я могу приехать.

Виктор закрыл глаза.

— Нет. Спасибо. Пока доберёшься, мне уже на работу собираться надо будет.

— Хорошо, — она помолчала ещё немного. — Виктор?

— Да.

— У тебя всё получится. Ты у меня самый... ну, ты знаешь.

Он не ответил. Просто сидел и слушал её дыхание в трубке.

— Я люблю тебя, — сказал он наконец.

— А я — тебя.

Даже через искажённый связью голос Виктор понял, что Клара улыбается.

— Попробуй хоть немного поспать.

— И тебе спокойной ночи.

Вызов оборвался.

Виктор остался сидеть в темноте. Он думал о том, что Клара не знает, во что он влез. И о том, что если он ошибётся — она может пострадать вместе с ним. Он может разрушить жизнь Клары в тот самый момент, когда она стоит на пороге триумфа. Нет. Утром он всё расскажет Стекловой. Так будет правильно. Данте, если остынет, поймёт.

Должен понять...

Он так и сидел на диване, пока не начало светать. Он всё ещё не знал, что именно скажет Стекловой. Но знал, что решение нужно принять до восьми утра.

Данте вышел из дома пораньше. Утренняя прохлада немного остудила пылающую голову. Купив у Марии два неизменных стаканчика кофе и свежие булочки, он направился к управлению.

У фонтана, как обычно, сидел Тим Гойя. Увидев поэта, мальчишка просиял и быстро перебрал струны, выдавая чистую, светлую мелодию — ту самую, которую играл несколько дней назад, но теперь она звучала закончено и целостно.

— Мастер Лорка! Я её доделал! — гордо заявил Тим.

Данте остановился. Мелодия действительно была прекрасна. В ней не было ни капли фальши, ни единого слабого момента.

— Это очень хорошо, Тим. По-настоящему хорошо, — искренне сказал Данте.

— Я думаю подать её на конкурс «Голос соседа», — мальчик смущённо шмыгнул носом, — но там жёсткие правила... Я уже ходил в Комиссию...

— И что тебе там сказали?

— Сказали, что моя нотная запись «не соответствует требованиям к подаче музыкального произведения». Что нужно переписать в нормальном виде. Что иначе они не могут принять, — Тим вздохнул. — Дали час на исправление. Сказали — если за это время приведёшь в порядок, заявку зарегистрируем сегодня. Если нет, приходи завтра с правильной записью.

— Покажи.

Тим достал из сумки толстую тетрадь и протянул Данте. Тот открыл.

Это были, в общем, ноты. Но рядом с пятью линейками, между ними, под ними и над ними — была разноцветная россыпь карандашных пометок. Маленькие красные палочки. Зелёные кружочки. Синие волнистые линии. Жёлтые точки. Иногда — короткие штрихи, идущие наискось через нотный стан. Это походило не на партитуру, а на карту местности, нарисованную человеком, который однажды прошёл по этой местности ночью и теперь пытается вспомнить дорогу.

Тим смотрел на него настороженно.

— Это что? — спросил Данте.

Тим покраснел.

— Я ноты плохо знаю, — сказал он торопливо, словно оправдываясь. — Меня дед учил, но мало. Я в основном играю, как помню. А чтобы не забывать, я помечаю. Красная палочка — это где надо громче. Зелёный кружочек — где звук надо отпустить не сразу, а как будто...

ну... дать ему ещё чуть-чуть пожить... Жёлтая точка — где совсем легонько, как будто струну чуть-чуть тронуть. Синяя волна — это...

Он запнулся, подбирая слово.

— Это где надо чувствовать.

— Чувствовать?

— Ну, да. У меня бывает место, где надо не так нажать, а будто услышать, что нажимаешь. Я не знаю, как объяснить.

Данте кивнул. Несколько секунд он рассматривал страницу — внимательно, как преподаватель, привыкший вглядываться в чужие черновики. Аккуратные значки, разноцветный ритм. Не ноты. Не совсем ноты. Но для Тима это было точнее нот. Личный язык, на котором мальчик объяснял себе музыку до того, как музыка соглашалась стать правильной записью. Тетрадь маленького человека, который придумал свой способ помнить мелодию. Красная палочка. Зелёный кружочек. Жёлтая — где совсем легонько...

Странная, трогательная подростковая система.

— Глупо, да? — спросил Тим.

— Нет, — сказал Данте. — Не глупо.

— Они там сказали, что это не нотная запись. Что эксперты этого не разберут.

— Разберут только то, к чему привыкли, — заметил Данте.

Он закрыл тетрадь и вернул её Тиму.

— Тим. Не торопись.

— Они мне сказали принести сегодня...

— Принесёшь завтра, ничего страшного. Работы на конкурс будут приниматься ещё две недели. А завтра — это тоже сегодня, только чуть позже, — Данте посмотрел на мальчика прямо. — Если ты сейчас в спешке начнёшь всё переписывать, ты потеряешь то самое, ради чего ты вообще решил подать. Свою записку. Свою индивидуальность.

— А если я не успею?

— Успеешь. Иди домой. Сядь спокойно. Перепиши ноты так, как требуют. Но рядом, в той же тетради, сохрани свои пометки. Принеси завтра. Время у тебя ещё есть.

Тим помолчал, глядя в свою тетрадь.

— Они всё равно скажут, что мои значки лишние.

— Скажут. Но примут. Ты будешь играть со своими пометками. А они — смотреть на ноты без них.

Тим медленно кивнул.

— Спасибо, мастер Лорка.

— Главное — не торопись.

Тим кивнул, закрыл тетрадь и вдруг спросил:

— Вы всю ночь не спали? У вас такие глаза... Будто вы стихи писали до самого рассвета.

— Можно сказать и так, — Данте не стал его разубеждать. Зачем ребёнку знать, какая тьма кроется за этой бессонницей.

— Наверное, это были очень сложные стихи, — философски заметил Тим, укладывая гитару в потёртый чехол. — Мой дед всегда говорил: настоящая песня не придумывается. Она просто прячется в тишине. И чтобы её услышать, нужно сначала убрать лишний шум.

Данте замер. Слова мальчишки, брошенные вскользь, без всякой задней мысли, ударили как разряд тока. Убрать лишний шум... Шум, который не даёт выбраться из тишины настоящим песням... Музыка Инес, колыбельной незнакомки...

Данте поднял глаза и посмотрел поверх головы Тима. У газетного киоска, метрах в пятидесяти от входа в здание Антиплагиата, стоял человек. Он читал утренний вестник на гибком уличном экране. На нём был неприметный серый плащ без знаков различия. Они уже здесь. Им не нужны ни он, ни Виктор. Им нужна она. Та, что пела колыбельную...

Данте стиснул зубы, крепче перехватил пакет с булочками и решительно зашагал к входу в Антиплагиат.

Виктор сидел за своим столом. Его китель был безупречен, но лицо выдавало крайнюю степень нервного истощения. Данте вошёл, молча поставил кофе на стол и сел напротив.

— Ты не спал, — сказал Виктор.

— Ты тоже.

Виктор сел за стол. Несколько секунд они молчали.

— Я передумал, — сказал Виктор наконец.

Данте поднял на него взгляд.

— Что именно?

— Я отдам Стекловой записку. И данные Глеба. Всё.

Данте не удивился. Он просто посмотрел на Виктора долгим, тяжёлым взглядом.

— Почему?

— Потому что мы уже слишком далеко зашли.

— Сегодня ночью ты говорил другое!

— Ночью говорили эмоции и шок! — Виктор повысил голос, но тут же осёкся и перешёл на напряжённый шёпот. — Данте, мы не можем скрывать такие факты. Это преступление. Если мы утаим запрос в ФАКТУРУ, если утаим записку — мы станем соучастниками. А если это провокация? Проверка Службы сопровождения Жюри? Я не могу так рисковать. У меня Клара. Её карьера. Я не потяну её за собой на дно.

— Ты боишься, — кивнул Данте.

— Да. И ты тоже. Просто не хочешь это признавать.

Данте молчал. Потом тихо сказал:

— Ты прав. Я боюсь. Но я боюсь не того, чего боишься ты.

— Чего же тогда?

— Я боюсь, что если мы сейчас сдадимся — мы никогда не узнаем правду. Ни про «Песню Пробуждения». Ни про Инес.

Виктор посмотрел на него.

— Данте... Ты опять начинаешь...

— Эти двое, что приходили ко мне, — оборвал его Данте. — Сразу после смерти Инес. Они искали не убийц. Они искали её ноты. Я это понял только вчера. И теперь, когда мы нашли то, что нашли... я не могу просто так взять и отдать всё Стекловой. Потому что тогда мы никогда не узнаем, была ли смерть Инес случайностью или... чем-то ещё.

— Мы не знаем, кто убил Инес! Ты просто проецируешь свою боль на это дело! — Виктор резко встал. — Стеклова — мой куратор. И сейчас я достану бумаги из сейфа и пойду к ней!

— Ты боишься за Клару, — кивнул Данте, нервно кусая губы. — Я это понимаю. Но она у тебя музыкант от бога. Не просто хороший исполнитель, она творец. И что будет, если однажды она напишет что-то своё? Что-то такое, что вызовет возмущение ФАКТУРЫ. Что ты тогда будешь делать, а? Вспомнишь про Кодекс и пойдёшь к Стекловой?!

Виктор замер.

— И ещё, — добавил Данте. — Мы не знаем, кто эта женщина. Мы не знаем, чего она хочет. Но мы знаем, что она рискнула многим, чтобы мы увидели то, что увидели. Если мы сейчас сдадимся — мы предадим не только себя. Мы предадим и её. Эти серые плащи только и ждут, что мы найдём её — или что она сама проявит себя рядом с нами! Нас используют, ты это понимаешь?

Виктор подошёл к окну. Слова друга задели его и слегка отрезвили. Следователь посмотрел на часы. До отчёта Стекловой оставалось пятнадцать минут.

— И что ты предлагаешь? — спросил он, не глядя на Данте.

— Скажи куратору только то, о чём мы договорились вчера. И попроси время, чтобы найти эту женщину. До полуночи. Если мы не разберёмся с этим делом до конца дня, можешь идти и выкладывать ей всё. Я мешать тебе не буду. А хуже, чем есть сейчас, нам уже не будет! Уволят — пойдём писать стихи вместе. Мои станут чуть хуже, твои — чуть лучше...

Виктор проигнорировал шутку друга. Он молчал. Данте был прав — хуже, чем есть, уже не будет. А так они смогут выиграть время. И если всё получится, если они найдут женщину и разберутся с делом — есть шанс предстать перед Стекловой чистыми, объяснив свои действия оперативной необходимостью. А дальше пусть уже она сама тянет эту историю.

— Хорошо, — коротко сказал он и, взяв папку, направился к дверям кабинета. — Жди меня здесь. Если не вернусь через полчаса...

— Я съем твою булочку, — с серьёзным видом кивнул Данте.

— Верно!

Кафка вышел из кабинета, а Данте посмотрел на так и не тронутые стаканчики с кофе...

Виктор вошёл в кабинет Стекловой с той степенью собранности, которая уже почти граничила с окаменением.

Дверь за его спиной закрылась. Замок щёлкнул мягко, но в этой тишине звук прозвучал так, будто кто-то поставил точку.

Стеклова сидела за столом. Чай в тонкой фарфоровой чашке стоял нетронутым. Фигура была переставлена с правого края стола на левый — мелочь, которую заметил бы не каждый. Но Виктор замечал такие вещи. Особенно теперь.

Портрет Рембо за её спиной смотрел всё туда же — чуть вверх, мимо мира, который успел вырасти из его песни. Его ли?

— Садитесь, Кафка, — сказала Стеклова.

Виктор сел.

Стеклова коснулась браслета.

— «Гермес», режим полной изоляции. Протокол «Тишина».

Световой контур вдоль стен погас. Браслет Виктора коротко вздрогнул и ушёл в немоту.

Стеклова не спешила начинать. Несколько секунд она просто смотрела на него — не как начальник на подчинённого, а как врач на человека, который принёс не только жалобы, но и что-то ещё. Что-то, что пока не готов назвать.

— Докладывайте, — сказала она наконец.

Виктор заговорил ровно, без нажима, почти сухо — так, как говорил на официальных разборах.

— За три дня мы установили устойчивый поведенческий паттерн исполнительницы. Её появления коррелируют не с художественной активностью районов, а с недавними зонами эмоционального провала: закрытие социальных центров, падение Эхо-индекса, отказ во льготах, смерть ребёнка в больнице, массовое снижение тарифов. Она выбирает не случайную аудиторию, а людей в момент социальной и эмоциональной уязвимости.

Стеклова слушала не перебивая.

— На данный момент, — продолжил Виктор, — у нас нет оснований считать её мошенницей. Нет подтверждённого умысла на извлечение выгоды, нет факта присвоения Эха, нет зафиксированного нарушения Кодекса в классическом виде. Но её действия можно трактовать как несанкционированное эмоциональное вмешательство. Возможно — как попытку формирования альтернативного канала доверия в обход Системы.

— Иначе говоря? — тихо уточнила Стеклова.

— Иначе говоря, — Виктор выдержал паузу, — она действует как утешитель. Или как тот, кто хочет им казаться.

Стеклова чуть наклонила голову.

— Продолжайте.

— Мы считаем, что открытое давление спугнёт её. Если привлекать инспекторов, патрули или муниципальную охрану, мы потеряем контакт. Чтобы выйти на неё, нужен другой подход: не охота, а приманка. Мы понимаем, где именно она проявляется и на какой тип сигнала реагирует. Если действовать тихо, у нас есть шанс спровоцировать новый выход на связь.

— У вас, — повторила Стеклова. — И сколько времени вам нужно?

— До полуночи.

Стеклова ничего не сказала. Только отвела взгляд в сторону окна.

Там, за стеклом, Проспект Чувств жил своей правильной жизнью. Кто-то смеялся у фонтана. Кто-то, вероятно, уже оплачивал кофе короткой искренней строкой. Всё было настолько в порядке, что от этого хотелось не радоваться, а насторожиться.

— Вы очень аккуратно рассказываете правду, Кафка, — сказала Стеклова, не глядя на него.

Виктор промолчал.

— Обычно так говорят люди, которые уже выбрали, что именно не будут произносить вслух.

— Я докладываю по делу.

— Нет, — она повернулась к нему. — Вы докладываете по той части, которую ещё можно назвать делом.

Виктор почувствовал, как у него в горле становится сухо.

— Ночью в системе были колебания, — продолжила Стеклова. — Небольшие. Такие, о которых можно не докладывать, если очень постараться считать их фоном.

Он молчал.

— Я не спрашиваю, чья это была инициатива, — сказала она. — И не спрашиваю, что именно вы пытались узнать. Если я спрошу, мне придётся услышать ответ. А если я услышу ответ, мне придётся оформить его как служебный факт.

— Нора Валерьевна...

— Нет, Кафка, — Она подняла ладонь. — Сейчас не вы объясняете. Сейчас объясню я. Стеклова встала из-за стола и подошла к портрету Рембо. Не коснулась его, но остановилась близко — так близко, что это уже было почти прикосновением.

— Вы знаете, чем Антиплагиат отличается от Службы сопровождения Жюри?

Виктор ничего не ответил.

— Мы задаём вопросы, — сказала Стеклова. — Даже тогда, когда ответы могут быть неприятны. Те, кто находятся рядом с Мастерами, не задают вопросов. Они просто действуют.

Она помолчала.

— В открытых реестрах это называется «службой сопровождения». Красивое слово. Очень спокойное. Милосердное. Как будто речь идёт о людях, которые помогают больным.

Виктор смотрел на неё не двигаясь.

— Вы хотите сказать, что за нами уже наблюдают?

Стеклова перевела на него взгляд.

— Пока — лишь наблюдают. Это обычная практика в сложных делах, касающихся чего-то непонятого системе... Вы с Данте пока не являетесь объектами, вы — лишь один из инструментов. А они рядом просто как... Другие инструменты, если вы не справитесь...

— Почему вы всё ещё держите это дело у себя? — спросил он.

Вопрос вырвался почти сам.

Стеклова ответила не сразу.

— Потому что, пока это дело в Антиплагиате, у него есть шанс остаться только лишь делом. А не мероприятием, — она снова села. — И потому что я сама не люблю, когда мне чего-то не договаривают сверху.

Это было почти признание. Почти.

Виктор смотрел на неё внимательно.

— Вы знаете больше, чем говорите, — сказал он.

— Как и вы, Кафка, — парировала она.

На этот раз молчание затянулось надолго.

Потом Стеклова сложила руки на столе.

— Вы уверены, что готовы продолжить работу над делом? Напомню, вы всегда можете отказаться от него. Последствия вы знаете...

Виктор сглотнул вязкую слюну и кивнул.

— Да.

— У вас будет двенадцать часов, Кафка. Больше дать не могу. В двадцать один ноль-ноль жду вас у себя. С результатами. После этого времени ваши допуски перестанут иметь значение. А ваши намерения — интересовать кого-либо.

— Если я не уложусь?

— Тогда я буду обязана передать материалы выше.

— И дело заберут.

— Да.

— И нас тоже?

— Найдите её, Кафка! — куратор посмотрела на следователя тяжёлым взглядом. — Сейчас это ваш единственный шанс не стать для Службы сопровождения очередными объектами!

Слово «объекты» Стеклова выделила особенно.

Виктор сжал челюсть.

— Мы найдём её.

— Не обещайте того, что не контролируете, — Стеклова помолчала и добавила чуть мягче: — Но попробуйте. Это сейчас единственное, что может спасти вас обоих от чужой инициативы.

— Вы догадываетесь, что я не всё вам сказал, — произнёс Виктор.

— Да.

— И всё равно даёте время.

— Да.

— Почему?

Стеклова слегка улыбнулась. Улыбка вышла усталой и недоброй.

— Потому что иногда единственный способ сохранить лояльность — это не загонять человека в прямую ложь. Я не спрашиваю. Вы не отвечаете. Мы оба делаем вид, что действуем строго по процедуре. До полуночи это ещё можно назвать профессионализмом.

Она откинулась на спинку кресла.

— И ещё одно. Если вы действительно собираетесь искать её сами — не ходите вдвоём одними и теми же маршрутами. Не используйте служебный транспорт, хотя я знаю, что вы предпочитаете общественный. Не держите при себе то, что можно потерять. И не верьте, что в нашем здании всё принадлежит только нам.

Виктор замер. Она знает. Не всё. Но достаточно.

— Это приказ? — спросил он.

— Нет, — ответила Стеклова. — Это то, что я бы сказала собственному сыну, если бы у меня был сын. И если бы он был достаточно глуп, чтобы сунуться туда, куда сейчас суетесь вы.

Виктор встал.

— Я понял.

— Нет, — очень тихо сказала Стеклова. — Не поняли. Но это уже неважно. Идите.

— Нора Валерьевна... если бы всё, что мы думаем, оказалось правдой... вы бы хотели это знать?

Стеклова долго молчала. Потом сказала:

— Я бы хотела знать, что делать с этим знанием.

Виктор кивнул, нажал на панель. Дверь открылась, и следователь вышел в коридор.

Глава 7. Шпионские игры

Виктор вернулся в кабинет быстрым шагом. Закрыл дверь и повернулся к Данте.

— У нас есть всего двенадцать часов. Надо торопиться. И у меня есть план!

— У меня тоже! — с серьёзным выражением лица заявил Данте.

— Говори.

— Они следят за нами. За обоими. Значит, мы не можем идти вместе. Так?

— Так, — согласился Виктор. — Именно это я и хотел тебе предложить!

— Один из нас — приманка для серых плащей. Второй — действует.

— Эти типы — Служба сопровождения Жюри, — пояснил Виктор. — Стеклова предупредила. Но мы пока ещё их не интересуем...

— Это понятно. Им нужна женщина. Мы — лишь магнит. Или — ищейки.

— Или и то и другое, — буркнул Кафка. — Итак, кто из нас приманка?

— Конечно, ты! Ты ведёшь дело. Серые плащи ожидают, что именно ты будешь искать незнакомку. Моя роль в их понимании иная... Сделай открытый запрос ФАКТУРЕ — зоны социального напряжения за последние трое суток. Возьми служебный транспорт, чтобы облегчить им задачу, и начни объезд. Заходи в каждую точку. Разговаривай с людьми. Делай вид, что ищешь. Вернее — ищи, как делал бы это на самом деле.

— А ты?

— А Данте Лорка останется в здании.

— Не понял...

— Нам нужна Казимира, твой коллега.

Виктор нахмурился.

— Кази?

— Она же из отдела театральных нарушений? Вспомни: она сама говорила, что её эксперт-консультант — бывший театральный режиссёр. Тот, что, по её словам, «из мухи делает Гамлета за полчаса».

— Лев Мейер, — вспомнил Виктор.

— Именно. Если Мейер загримирует меня — серые плащи у входа не узнают. А свой браслет я оставлю здесь. Переведу в режим сна и положу в стол. Если кто-то и отследит — подумает, что я в кабинете.

— Это нарушение всех мыслимых протоколов, Данте. Человек без браслета на улице...

— Меньшая из наших проблем, Виктор, — улыбнулся Данте. — Если что, прикинусь одним из Молчащих.

— Логично. А как ты объяснишь Казимире — зачем это тебе надо?

— Не я, а ты. Обратишься за методической помощью: оперативная маскировка для сбивания подозреваемой группы со следа. Стандартная межотдельная процедура.

— Она задаст вопросы, — с сомнением протянул Виктор, но было видно, что идея ему нравится.

— Она задаст один вопрос: «Это по делу?» Ты скажешь: «Да». И всё. Она профессионал. И она тебе доверяет.

Виктор посмотрел на часы. Девять утра.

— Допустим, это работает. Ты выходишь. Куда?

— В Зону Гармонии, к Иосифу. Передаю сообщение: мы знаем то, что она просила узнать. Что за нами следят. И что нужно безопасное место для встречи.

— А если Иосиф откажет?

— У тебя есть другие идеи?

— А как ты мне сообщишь, если что-то найдёшь?

Данте думал недолго, и на его лице появилась улыбка.

— Увидишь! Поверь, ты сразу всё поймёшь!

— Да? — с сомнением спросил Кафка. — Ладно. Тогда идём!

Отдел театральных нарушений располагался на втором этаже, в крыле, которое в здании Антиплагиата называли «левой кулисой». Здесь пахло иначе — не озоном и бумагой, а чем-то сладковатым, похожим на театральный клей и старую пудру. На стенах висели не мозаики с девизами Системы, а афиши спектаклей — тех, что прошли экспертизу отдела.

Казимира Дали сидела за столом, заваленным программками и сборниками пьес. Она подняла голову, увидела Виктора с Данте — и в её глазах сразу зажёгся знакомый насмешливый огонёк.

— Та-а-ак, — протянула она, откинувшись на спинку кресла. — Десант с третьего этажа. Кафка с лицом приговорённого и Лорка с лицом сообщника. Вы заблудились или у вас ко мне дело?

— Дело, — коротко сказал Виктор.

— Какое именно? — Казимира склонила голову набок. — У меня сегодня насыщенный график. Один режиссёр требует, чтобы ФАКТУРА признала его шёпот в третьем акте отдельным эмоциональным произведением, а две его актрисы хотят его убить за интерпретацию. Или за кое-что другое, о чём мне тайно поведала костюмер...

— Методическая помощь, — сказал Виктор. — Оперативная маскировка. Сбивание подозреваемой группы со следа.

Казимира медленно подняла бровь.

— Маскировка? Кафка, ты прячешься от собственных стихов?

— Кази...

— Молчу-молчу, — она наклонилась вперёд, опершись локтями на стол. — Это по делу?

— Да.

— По тому самому, из-за которого ты третий день выглядишь как недопечённая булочка?

— Да.

— Хорошо, — она встала и одёрнула китель. — Только имей в виду: если ты впутываешь моих людей во что-то, что потом обернётся служебной проверкой, — я тебя лично загримирую в восьмидесятилетнюю прачку и выпущу на Юбилейный концерт. Согласен?

— Согласен.

— Тогда идём знакомиться со Львом. Он у нас гений. А гении — они... бывают очень сложные.

Они прошли по коридору «левой кулисы» мимо открытых дверей, из-за которых доносились обрывки записей: монологи, пение, чьи-то рыдания на повышенной громкости — кто-то репетировал или анализировал спектакль. На одной из дверей висела табличка, написанная толстым маркером от руки:

«Если меня нет, я в гримёрной. Если я в гримёрной — меня нет».

— Это его дверь, — сказала Казимира с лёгкой гордостью. — Он сам написал. Считает, что табличка отпугивает бюрократов лучше любого протокола.

Она толкнула дверь.

Гримёрная оказалась большой комнатой с тремя зеркалами в обрамлении ламп, шкафами с костюмами и длинным столом, заваленным коробками, тюбиками, париками, накладками и какими-то странными приспособлениями, назначения которых Данте не понял.

В кресле перед средним зеркалом сидел невысокий поджарый мужчина лет шестидесяти. Седая бородка клинышком, цепкий взгляд, руки, которые двигались сами по себе — он сейчас вертел между пальцами кисточку для грима, как фокусник вертит карту.

— Лев, дорогой, — сказала Казимира своим самым медовым тоном. — У меня к тебе официальная межотдельная просьба.

Лев Мейер посмотрел на неё с подозрением.

— Казимира, последний раз, когда у тебя была официальная межотдельная просьба, я три дня переделывал классический балет в стиль уличного танца, чтобы доказать суду, что плагиат можно совершить движением, а не только нотами.

— И это было прекрасно.

— Это было унижительно.

— Но эффективно, — она кивнула на Данте. — Этого мужчину нужно превратить в кого-то, кого не узнают при выходе из здания. Времени мало. Тонкости не нужны. Нужно, чтобы прошёл мимо камер и охраны — и не запомнился.

Лев Мейер развернулся в кресле и пристально посмотрел на Данте. Молча. Долго. Как смотрят на холст перед первым мазком.

— Поэт, — наконец произнёс он. — Глубокая посадка глаз. Худое лицо. Скулы выраженные. Подбородок узковатый. Интересная фактура — но узнаваемая. Очень узнаваемая. Кто хочет вас не узнать?

— Те, кому это не положено по протоколу, — ровно ответил Виктор.

— О, какая прекрасная формулировка, — Лев расплылся в улыбке. — Казимира, я тебя обожаю. Ты приводишь мне самых интересных клиентов. Садитесь, мастер. И ничего не бойтесь. Я никогда не делаю ничего необратимого.

— Никогда? — переспросил Данте, осторожно опускаясь в кресло.

— Почти никогда, — Лев уже доставал из шкафа какие-то банки. — Один раз сделал. Ещё до Революции. Это была та ещё история. Но к вам она отношения не имеет.

Казимира облокотилась на дверной косяк, скрестив руки.

— Лев, ты сказал, что у тебя сегодня были «творческие планы».

— Казимира, у меня всегда творческие планы. Просто иногда они отступают перед более интересными вещами, — Он повязал Данте на шею широкую тканевую накидку. — Так. Кем мы вас сегодня сделаем?

— Кем-то, кого не запомнят, — сказал Данте.

— Это слишком поэтично. Конкретнее. Мужчина — это очевидно. Возраст?

— Постарше, — Виктор подошёл ближе. — Лет на десять-пятнадцать. Чтобы не молодой, но и не старик.

— Профессия?

— Техник. Технический персонал. Из тех, кто ходит по зданиям с инструментами, и кого никто не замечает.

— Прекрасно, — Лев Мейер сразу оживился. — Это мой любимый типаж. «Человек, мимо которого вы прошли сегодня двенадцать раз и ни одного не вспомните». Это, между прочим, гораздо труднее, чем сыграть короля. Короля все запоминают.

Он начал работать. Быстро. Уверенно. Сначала какой-то крем, который слегка изменил тон кожи Данте — сделал её более сероватой, усталой. Потом — тончайшая аппликация на скулы, и они вдруг как будто опустились, утратили выраженность. Лоб стал чуть выше — Лев аккуратно сдвинул линию волос с помощью прозрачного состава и тонкой накладки.

— Не разговаривайте, — командовал он. — Не двигайте лицом. Я работаю.

Казимира с интересом наблюдала со стороны.

— Ты знаешь, Кафка, — сказала она негромко Виктору, — я ведь в первый раз вижу, как Лев работает по реальному заданию. Обычно он гримирует студентов на сценические экспертизы. И возмущается, что они все хотят быть Ромео или Гамлетом.

— А я хочу, чтобы они хоть раз захотели быть привратником в третьем акте, — буркнул Лев не отрываясь. — Привратник у Шекспира интереснее половины принцев. Не двигайтесь, мастер.

Минут через двадцать он отступил на шаг.

— Так. Подбородок ещё.

Тонкая силиконовая накладка слегка изменила линию челюсти. Потом Лев достал из ящика небольшой предмет, похожий на лепесток.

— В рот. Между щекой и десной. Не кривитесь, это стерильно! Не выплёвывайте.

Данте послушно вложил пластинку. Лицо снаружи чуть округлилось, изменив пропорции.

— И последнее — голос! — Лев протянул ему тонкую пластинку прозрачного материала. — Это под язык. Не глотать. Не жевать. Просто положить и забыть.

— Что это делает?

— Слегка изменит резонансные характеристики вашей речи. Не сильно, но достаточно, чтобы вы перестали звучать как мастер Лорка. Говорите чуть медленнее обычного. Техники не торопятся.

Данте положил пластинку под язык. Сказал несколько слов. Голос стал глуше, чуть ниже, словно простуженный.

— Прекрасно, — кивнул Лев. — Теперь смотрите.

Данте повернулся к зеркалу.

Из зеркала на него смотрел незнакомец. Мужчина лет пятидесяти. Залысины, обвисшие щёки, усталые глаза. Лицо настолько обычное, что взгляд по нему скользил не зацепляясь. Это не было уродство или гротеск — это был просто другой человек.

— Невероятно, — тихо сказал Данте.

— Это не невероятно. Это профессионально! — Лев распахнул один из шкафов с одеждой. — Теперь костюм. Серая рабочая куртка — стандарт коммунальных служб. Свою куртку оставьте здесь, ничего с ней не случится! Широкие брюки — можете надеть их прямо поверх своих. Ботинки на толстой подошве — техники всегда долго ходят и берегут ноги. Хотя ваши тоже подойдут. И вот это.

Он протянул Данте старый, потёртый браслет.

— Реквизитный. Сигнала не даёт, но выглядит как настоящий. Мы используем такие для сценических экспертиз, когда нужно имитировать ношение биосенсора без активной связи. Если кто-то посмотрит мельком — не отличит.

Данте переоделся за ширмой. Когда он вышел, Казимира присвистнула.

— Ничего себе! Я бы тебя ни за что не узнала.

— Я бы сам себя не узнал, — пробормотал Данте, оглядываясь в зеркале.

Виктор молча смотрел на друга. Несколько секунд. Потом сказал:

— Странное ощущение.

— Какое?

— Как будто ты уже ушёл. А я разговариваю с кем-то другим.

Лев довольно захихикал.

Данте снял с запястья свой настоящий браслет, выключил его длинным нажатием и протянул Виктору.

— Положи в стол. Запри. Если кто-то проверит мою геолокацию — я в твоём кабинете.

Виктор взял браслет. Он был ещё тёплым.

— Спасибо, Кази, — тихо сказал Виктор.

— Не за что, Кафка. Ты должен мне один очень хороший разговор. Не за чашкой кофе. За бутылкой вина. И с подробностями. Когда всё это закончится.

— Договорились.

Лев Мейер пожал Данте руку.

— Помните, мастер: теперь вы — техник. Техники не смотрят на небо. Они смотрят под ноги. Ну, или иногда — на женщин.

— Запомню.

Они вышли из гримёрной в разные стороны.

Виктор — направо, к лестнице, ведущей на третий этаж. К своему кабинету. К открытому запросу ФАКТУРЕ. К роли приманки.

Данте — налево, к хозяйственному выходу «левой кулисы». К тяжёлой металлической двери, за которой ждал переулок, мусорные баки, запах мокрого кирпича — и город, в котором его никто не должен был узнать.

Виктор поднялся на третий этаж, чувствуя странную лёгкость в запястье — браслет Данте, который он только что положил в верхний ящик стола, словно оттянул его руку незримой тяжестью ответственности. Теперь судьба друга зависела от того, насколько правдоподобно следователь Кафка сыграет свою роль.

Он сел за стол, расправил китель и активировал служебный терминал. Голос ИИ-помощника прозвучал бесстрастно:

— Доброе утро, следователь Кафка. Чем могу помочь?

— Запрос в ФАКТУРУ. Открытый канал. Оперативный поиск.

Терминал мигнул.

— Готов.

— Сформировать сводку по зонам максимального социального напряжения в столичном округе за последние сорок восемь... Нет! За последние семьдесят два часа. Параметры: резкое падение локального Эхо-индекса свыше десяти пунктов, массовые случаи отказа в востребованных социальных услугах, незарегистрированные траурные мероприятия. Приоритет — кварталы, прилегающие к Зоне Гармонии №7, секторам Е-9 и Ж-12.

— Принято. Запрос обрабатывается.

Виктор откинулся на спинку кресла. Он знал, что этот запрос наверняка вспыхнет красной лампочкой на чьём-то далёком мониторе уже через секунды. Мониторящие его действия серые плащи получают сигнал: следователь вышел на охоту по официальному протоколу. И это выглядело вполне правдиво. Потому что было логично, предсказуемо и скучно.

Именно скукой Виктор и собирался кормить Службу сопровождения Жюри ближайшие несколько часов.

— Запрос обработан. Жду уточнений.

ФАКТУРА вывела на экран карту города, на которой мерцали семь точек. Виктор довольно улыбнулся. Идеально. Точки разбросаны по всему городу, от центральных кварталов до отдалённых секторов. Объезд займёт часов пять-шесть, не меньше. А значит — у Данте будет это время!

Он встал, накинул поверх кителя форменный плащ, проверил жетон и спустился к служебной парковке. Он нечасто пользовался служебным транспортом. Эту привычку в нём убил Данте, который любил ходить пешком или передвигаться на общественном транспорте. «Ты следователь. Ты должен видеть лица людей, а не мелькающие за окном силуэты».

Двери электрокара мягко приняли его, биосенсор подтвердил личность.

— Маршрут: Сектор Г-4. Бывший центр поддержки пожилых, — произнёс Виктор.

Машина бесшумно тронулась.

И в тот же момент Виктор увидел в боковом зеркале, как от обочины напротив главного входа Антиплагиата плавно отъехало тёмно-серое авто без опознавательных знаков. Стёкла тонированы. Номер — стандартный городской, ни о чём не говорящий.

Виктор едва заметно улыбнулся уголком губ. «Ну, здравствуйте, мальчики. Поехали гулять».

Первая точка — закрытый неделю назад в связи с реновацией района Центр поддержки одиноких пожилых людей в секторе Г-4.

Виктор припарковался демонстративно близко к входу. Вышел, не спеша, не оглядываясь. Постояльцев центра отсюда уже перевезли, остались только несколько кроватей и прикроватных тумбочек вдоль одной из стен — приготовленных, видимо, для вывоза на утиль-площадку. Небольшой сквер напротив входа был щедро осыпан листвой. На одной из лавочек Виктор заметил оставленную кем-то шахматную доску.

Кафка постоял минуту возле опечатанной двери, на которой всё ещё висело объявление о закрытии. Сухой бюрократический текст в несколько строчек, а ниже приписка от руки красной пастой: «Ищешь покоя? Ждём тебя в приюте «У Розы» в секторе Г-11».

Из подъезда соседнего дома вышла пожилая женщина.

— Вы кого-то ищите? — Женщина заметила форму и жетон Кафки, но её это явно не смущало.

— Следователь Антиплагиата Кафка, — вежливо представился Виктор. — Скажите, пожалуйста, а вы кого-нибудь знали из постояльцев Центра?

— Как не знать? Знала, конечно! Я же в нём и работала, сиделкой. Теперь, правда, неудобно мне будет. Меня переселяют в сектор Е-2, а до нового здания центра мне добираться далеко...

— Переселяют?

— Этот квартал будут полностью перестраивать. Центр закрыли неделю назад, всех перевезли в санаторий. Наш дом тоже расселяют... Нас здесь всего трое осталось. Завтра уже в новый дом поедём... А я здесь всю свою жизнь прожила...

Женщина вздохнула и принялась рассказывать о своём жилом районе.

Кафка не стал её прерывать. И через десять минут женщина, излив следователю все свои переживания о предстоящем переезде, перешла и к рассказу о постояльцах центра и редких для здешних мест посетителях.

— Ходила здесь одна странная девушка. Как раз перед закрытием, дня за три. Читала старикам что-то такое, от чего даже вредная бабка Анфиса плакала и потом полночи перебирала фотографии покойного мужа, которого до этого только проклинала. Странная девушка, да...

Описание незнакомки совпадало с тем, что Кафке уже было известно: тёмные волосы, серый рюкзак, тихий голос, отсутствие браслета. Особых примет — нет. «Странная...»

Виктор сделал заметки в планшете. Громко поблагодарил. Демонстративно сфотографировал входную дверь центра.

Серый седан всё это время стоял в полуквартале, припаркованный таким образом, чтобы из него просматривалась вся улица.

Вторая точка — больничный двор. Сектор Ж-12.

Здесь Виктор задержался дольше. Поговорил с медсестрой из отделения паллиативной помощи. Та вспомнила: женщина с серым рюкзаком приходила в день, когда умерла та девочка с лейкемией. Сидела с матерью на скамейке. Ничего не говорила. Просто сидела. А потом прочитала стихи. Медсестра не помнила слов, но помнила, что после этого мать впервые за три дня смогла заплакать.

— До этого она была как камень, — тихо добавила медсестра. — А после — снова оживала. Словно чувства в ней проснулись.

Виктор аккуратно записал показания. Он чувствовал, как внутри что-то медленно тяжелеет. Да, он играл свою роль. Но он также собирал настоящие свидетельства. И каждое из них

подтверждало: незнакомка не была мошенницей. Она была... кем-то ещё. Кем-то, чьё определение пока не существовало.

Выйдя из больницы, он специально замедлил шаг, развернулся и посмотрел прямо в направлении серого седана. Постоял несколько секунд, делая вид, что задумался. Седан не шелохнулся. Стёкла отражали серое осеннее небо.

«Видите, мальчики? Я работаю. По-настоящему. Профессионально. Без сюрпризов».

Третья точка — социальный центр в окраинном секторе. Здесь Виктор задержался почти на два часа. Опросил трёх социальных работников. Получил ещё два свидетельства о появлении женщины с рюкзаком. Затем сделал ход, который должен был окончательно убедить своих наблюдателей в его искренности: запросил по защищённому каналу ордер на установку мобильных биосенсорных меток в трёх ближайших точках, где незнакомка могла появиться в ближайшие сутки.

Запрос ушёл в ФАКТУРУ. Через четыре минуты пришёл ответ: ордер согласован. Виктор активировал метки.

Теперь это выглядело как настоящая засада профессионального следователя. Серые плащи, кто бы они ни были, должны были увидеть: Кафка готовит перехват по психотипу, как и обещал.

К обеду Виктор сделал нехитрый манёвр: заехал в небольшое кафе у четвёртой точки, заказал кофе, сел у окна. Серый седан остановился через дорогу. Из машины никто не вышел.

Виктор медленно пил кофе и думал: «Данте, друг мой, главное — не теряй времени. Я могу водить их за нос ещё часа четыре. Может быть, пять. Дальше они обеспокоятся твоим отсутствием и начнут что-то подозревать».

Он достал планшет и сделал вид, что изучает карты. На самом деле он просто ждал. Ждал хоть какого-то знака от Данте.

Данте шёл по городу. Несмотря на фальшивый браслет на запястье, поэт ощущал странную пустоту. Он впервые за двадцать с лишним лет шёл по улице без идентификации. Город вокруг него сразу стал другим — чужим, отстранённым. Как будто Данте смотрел на него через стекло.

Он шёл, опустив голову, чуть сгорбившись, держа в руках потрёпанный чемоданчик с инструментами, который эксперт-режиссёр выдал ему «для убедительности». Прохожие не обращали на него никакого внимания. Серая куртка, серая кепка, серое лицо в утренней дымке — он растворялся в утренней массе людей, спешащих по своим делам.

На транспортной развязке Данте сел в бесплатный общественный автобус, идущий в сторону Зоны Гармонии.

В Зоне было тихо. Несколько людей сидели у фонтана. Кто-то читал. Кто-то просто смотрел на воду. Дети играли в углу площади.

Данте направился прямо к лавке Иосифа. Старик стоял за прилавком, перекладывая хлеб. Увидев Данте — точнее, незнакомого ему техника, — он привычно кивнул.

— Здравствуйте. Что желаете?

Данте подошёл ближе. Огляделся. Покупателей рядом не было.

— Вчерашний хлеб, пожалуйста, — сказал он, чуть изменив голос. — И передайте девушке с серым рюкзаком: мы знаем то, что она хотела, чтобы мы узнали. Но за нами следят. Нужна встреча в безопасном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.